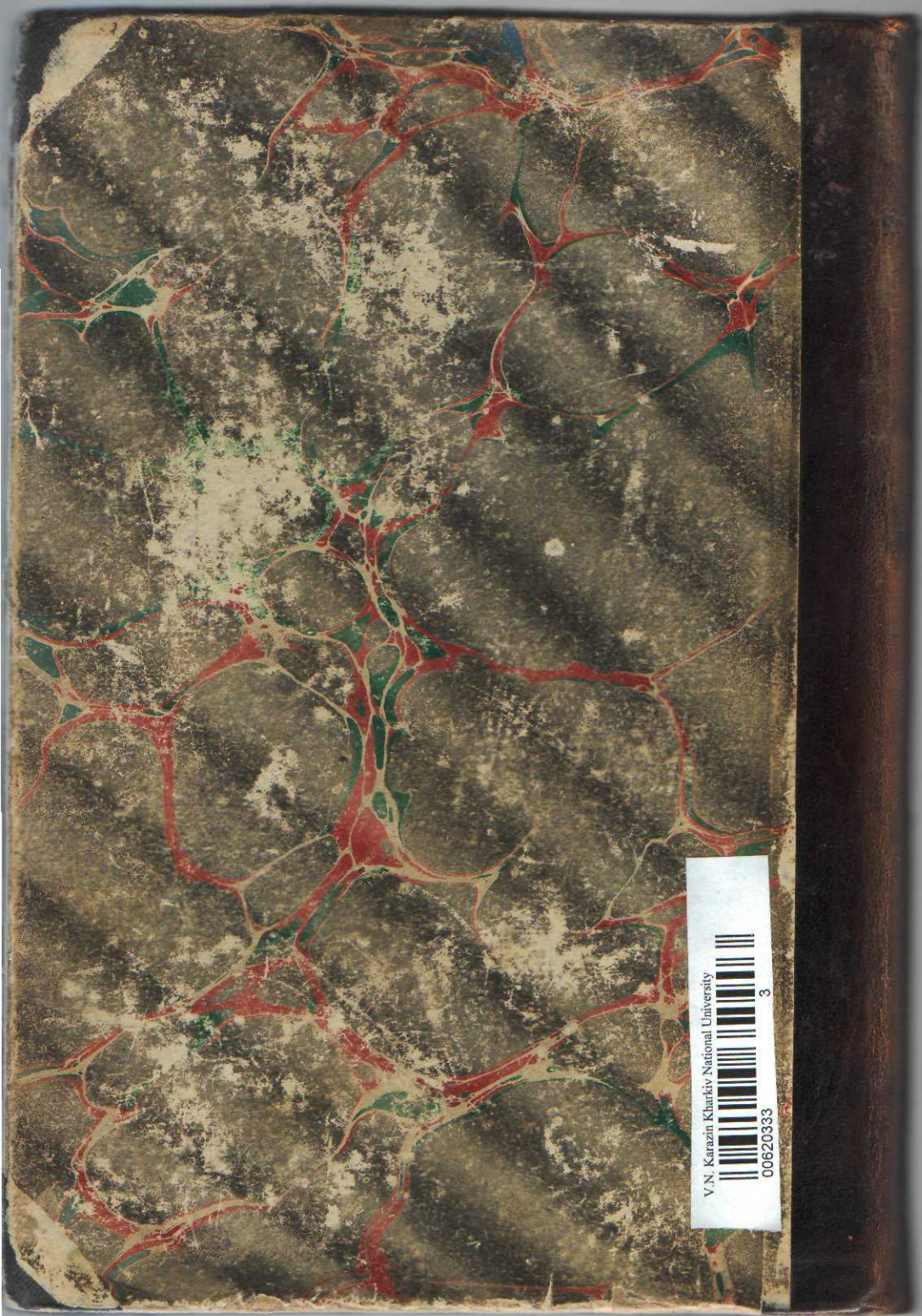

K-789-K. II

273630

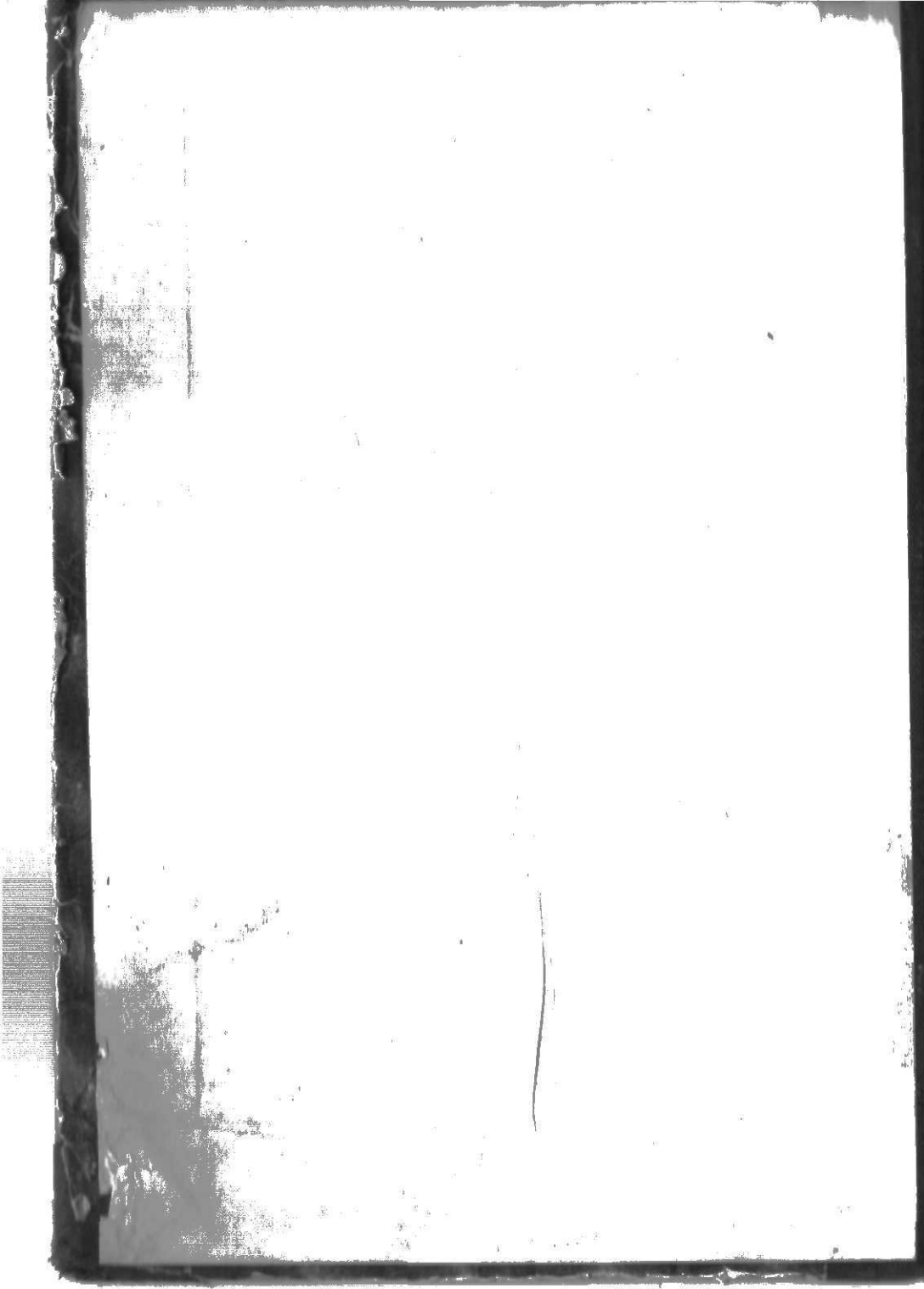

V.N. Karazin Kharkiv National University

00620333

3

1934

К - 789-к. II

КОРДЕЦКІЙ.

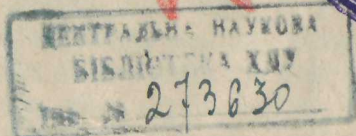
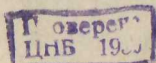
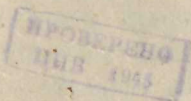
12/1
7660

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

А. Крашевскаго.

1908
1652+

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. Э. Мертца.
1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 Ноября 1900 года.

Типографія Дома Призрѣнія Малолѣтнихъ Бѣдныхъ. Лиговская ул., № 26.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Оставалось рѣшить участь Вахлера, и по этому поводу возникъ большой споръ между шляхтичами и монахами. Настоятель непремѣнно хотѣлъ ограничиться только изгнаніемъ и тѣмъ доказать шведамъ, что одинъ измѣнникъ для осажденныхъ не имѣетъ никакого значенія, что въ монастырѣ относятся съ пренебреженіемъ къ подобнымъ заговорамъ и не опасаются даже того, что Вахлеръ можетъ рассказать имъ о положеніи крѣпости. Замоискій хотѣлъ заключить его подъ стражу по крайней мѣрѣ до конца осады, а Чарнецкій упорно стоялъ на томъ, чтобы нѣмца повѣсить. Въ первое время своего ареста пушкаръ былъ въ страшной тревогѣ, такъ какъ со дня на день ожидалъ казни, но, немного успокоившись, сталъ угрожать местию шведовъ и Вейгарда. Наконецъ, около полудня дверь открылась и на порогъ кельи показался братъ Павелъ, а за нимъ два огромныхъ гайдука.

— Выходи! — крикнули они заключенному.

Вахлеръ, предполагая, что за нимъ пришли палачи и что приближается послѣдняя минута, схватился за рѣшетку окна и началъ отчаянно вопить, призывая на помощь. Гайдуки принуждены были взять его силою и потащили къ воротамъ. Нѣмецъ нѣкоторое время барахтался, но, получивъ нѣсколько здоровенныхъ затрещинъ, а въ особенности увидѣвъ, что ведутъ его не на эшафотъ, а къ потайной двери, немного успокоился и пересталъ орать. Дойдя до двери, одинъ гайдуку быстро раскрылъ ее, а другой взялъ Вахлера за шиворотъ и вышвырнулъ вонъ. Нѣмецъ отъ пинка растянулся на землѣ, и нѣкоторое время пролежалъ такъ, не вѣря, что онъ свободенъ. Наконецъ, придя въ себя,

Вахлеръ поднялся и во весь духъ, не оглядываясь, побѣжалъ по направленію къ шведскому лагерю.

Въ это самое время Вейгардъ разговаривалъ съ Натаномъ Пурбахомъ. Послѣдній докладывалъ своему начальнику о ходѣ переговоровъ, и графъ теперь былъ увѣренъ, что завтра же они овладѣютъ Ченстоховомъ и онъ будетъ торжествовать надъ Миллеромъ, который до сихъ поръ обвинялъ его во всѣхъ постигшихъ шведовъ неудачахъ. Внезапно дверь открылась и въ палатку вошелъ блѣдный, въ изорванномъ платьѣ, запыхавшійся Вахлеръ.

Натанъ ошолбенѣлъ отъ удивленія.

— Что случилось?—воскликнулъ онъ.

Нѣмецъ упалъ на землю отъ усталости.

— Что это за человѣкъ?—спросилъ Вейгардъ.

— Да вотъ именно тотъ пушкарь съ Ясной Горы, съ которымъ я велъ переговоры.

— Что-же онъ здѣсь днемъ дѣлаетъ?

— Не понимаю, надо его разспросить.

Наконецъ, пушкарь немного оправился, и, не взирая на присутствіе графа, сталъ проклинать Натана за то, что изъ-за него онъ потерялъ все свое имущество и едва не попалъ на висѣлицу. Вейгардъ тотчасъ понялъ, что планы его рухнули, насупился и хотѣлъ уже выйти, какъ, вспомнивъ что-то, повернулся и сказалъ Натану:

— Пушкаря задержать и дать ему пристанище; этотъ человѣкъ можетъ намъ пригодиться.

Сказавъ это, графъ быстрымъ шагомъ вышелъ изъ палатки, вскочилъ на коня и помчался къ Миллеру.

Генералъ между тѣмъ чуть ли не десятый разъ объѣзжалъ Ясную Гору, стараясь подробно изслѣдовать непріятельскую позицію и отыскать самый слабый ея пунктъ, гдѣ легче всего можно было бы сдѣлать проломъ. Въ первые дни осады онъ относился съ пренебреженіемъ къ замку и его защитникамъ, теперь же, послѣ столь мужественной и успѣшной обороны, генералъ убѣдился, что имѣетъ дѣло съ опытнымъ, выносливымъ и храбрымъ противникомъ. Факты доказали, что взять Ченстоховъ не такъ-то легко, какъ казалось ранѣе, и приходилось дѣйствовать чрезвычайно осторожно и внимательно.

Увидѣвъ издали Вейгарда, Миллеръ отвернулся съ очевиднымъ неудовольствіемъ. Графъ ловко соскочилъ съ коня и весело привѣтствовалъ генерала.

— Ну, что? сдаются? — насмѣшливо замѣтилъ Миллеръ.

— Сдадутся, — съ таинственной улыбкой отвѣтилъ Вейгардъ.

— Это и видно; стрѣляютъ.

— Тѣмъ не менѣе, капитуляція близка.

— На какомъ основаніи вы высказываете такое предположеніе? Объяснитесь.

— Мнѣ кажется, что когда лучшіе воины оставляютъ крѣпость, то это что-нибудь да значить...

— Гдѣ? какіе? — спросилъ шведъ.

— Одинъ уже у насъ.

— Гдѣ-же?

— Да у меня; я сманилъ его надеждой на хорошую награду, и сегодня, вотъ у той башни, — онъ указалъ рукой, — монахамъ некого уже поставить къ орудіямъ. У нихъ стало меньше однимъ знающимъ человѣкомъ — и то хорошо, а еще лучше то, что онъ намъ сообщить подробныя свѣдѣнія о томъ, въ какомъ состояніи находятся укрѣпленія и каково настроеніе осажденныхъ. Гарнизонъ не доволенъ, люди бунтуются, ихъ силою заставляютъ сражаться только монахи да шляхтичи, сегодня на день можно ждать капитуляціи.

Генералъ съ недоувѣріемъ слушалъ графа и качалъ головой.

— Однако, — сказалъ онъ, — съ этой якобы оставленной башни и безъ знаменитаго, по вашимъ словамъ, артиллериста, насъ здорово жарятъ.

— А, въ самомъ дѣлѣ, недурно наводятъ, — замѣтилъ Вейгардъ. — Впрочемъ, они принуждены маскировать свои слабые пункты и, конечно, поставили тамъ самыхъ лучшихъ изъ солдатъ, но тѣмъ не менѣе мы лишили ихъ, такъ сказать, правой руки. Это очень опытный въ военномъ искусствѣ человѣкъ. Поляки въ полѣ въ рукопашномъ бою молодцы, но запертые въ крѣпости, окруженные со всѣхъ сторонъ, долго не выдержатъ, прозѣваютъ или поссорятся.

— Но гдѣ-же этотъ славный пушкаръ? — спросилъ генералъ.

— У меня въ палаткѣ.

— Зачѣмъ-же вы его себѣ присвоили?—недовольнымъ тономъ замѣтилъ Миллеръ.—Давайте намъ его сюда.

— Я пришлю артиллериста въ вашу квартиру; пока еще онъ не пришелъ въ себя, такъ какъ во время бѣгства его преслѣдовали выстрѣлами, и онъ еле спасся.

— Какъ? онъ убѣжалъ днемъ?

И генераль съ недовѣріемъ покачалъ головой.

Внезапно со стороны монастыря показались бѣлые рясы монаховъ. Вейгардъ первый замѣтилъ ихъ, но нарочно повернулся спиной къ крѣпостнымъ воротамъ и съ увѣренностію проговорилъ:

— Навѣрно, это бѣгство предвѣщаетъ намъ успѣхъ и, мнѣ кажется, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что сегодня же они пришлютъ къ намъ парламентаровъ и крѣпость капитулируетъ.

Сказавъ это, графъ отошелъ въ сторону и далъ возможность Миллеру самому увидѣть приближающихся монаховъ.

— А! а! на этотъ разъ угадала лисица, если только раньше ихъ не замѣтила,—проворчалъ подъ носъ генераль.—Наконецъ-то кончится нашъ позоръ; мы теперь разсчитаемся съ папистами. Положительно стыдно даже подумать, что войско въ десять тысячъ человѣкъ не можетъ справиться съ толпою монаховъ.

Онъ приказалъ Вейгарду не уходить, а самъ соскочилъ съ коня и въ ожиданіи сѣлъ на разостланный коверъ. Послы были уже въ нѣсколькихъ шагахъ. По ихъ блѣднымъ озабоченнымъ лицамъ можно было предположить, что они, дѣйствительно, пришли просить прощенія. Это были священники Доброшъ и Ставискій. Миллеръ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, такъ какъ появленіе пословъ предвѣщало конецъ утомительной осады. Кромѣ того, послѣ дождей и слякоти наступила прекрасная погода, и, наконецъ, онъ вкусно и плотно позавтракалъ. При приближеніи монаховъ онъ вѣжливо привѣтствовалъ ихъ по латыни:

— А что? надѣло вамъ?—сказалъ генераль, противъ обыкновенія любезно раскланиваясь,—я, вѣдь, говорилъ, что война не монашеское дѣло—теперь вы, очевидно, сами пришли къ тому-же заключенію.

Священники низко поклонились ему.

— Ваше превосходительство изволите говорить истину, — отвѣтилъ отецъ Доброшъ, — дѣйствительно, война не наша профессія, мы рады были бы какъ можно скорѣе ее прекратить, но, видите-ли, насъ заставляетъ необходимость...

— Какая тамъ необходимость! — воскликнулъ Миллеръ, — необходимость эта въ вашемъ воображеніи. Надо сдаться, такъ какъ иного выхода нѣтъ. Мы должны овладѣть Ченстоховомъ.

— На какихъ условіяхъ? — спросилъ отецъ Доброшъ.

— Ну, пишите вы свои, а я велю заготовить свои, — добавилъ генералъ, — а затѣмъ, поговоримъ. И, пожалуйста, не бойтесь меня, какъ волка, такъ какъ я тоже человѣкъ, а нѣкоторые даже говорятъ, что недурной.

Сказавъ это, онъ приказалъ слугѣ подать вина и пригласилъ отцовъ выпить. Такой необыкновенный пріемъ чрезвычайно ихъ удивилъ. Они даже не предполагали, что Миллеръ можетъ быть такъ обходителенъ и любезенъ. Тѣмъ временемъ приблизился Вейгардъ и грозно взглянулъ на монаховъ. Отецъ Доброшъ поклонился ему, но тотъ съ высокомеріемъ отвернулся.

— Вы правду сказали, графъ, — воскликнулъ генералъ, обращаясь къ нему, — вы, очевидно, хорошій пророкъ; вотъ они здѣсь.

Вейгардъ молчалъ, онъ догадывался, что эти послы желаютъ только новой проволоочки, раскидываютъ новую сѣть; кромѣ того, опасался, какъ бы они не сказали правды о Вахлерѣ и потому старался поскорѣе отъ нихъ отдѣлаться. Миллеръ, однако, не отпустилъ монаховъ безъ угощенія и все время старался быть снисходительнымъ, вѣжливымъ, любезнымъ, въ надеждѣ пріобрѣсти расположеніе почтенныхъ отцовъ. Наконецъ монахи ушли въ монастырь, съ цѣлью подготовить условія капитуляціи.

Пріоръ рѣшился на этотъ шагъ исключительно для того, чтобы выиграть время, такъ какъ считалъ необходимымъ паче всего падить силы своего гарнизона и тянуть переговоры, насколько позволятъ обстоятельства. Вейгардъ зналъ или, вѣрнѣе, догадывался, чѣмъ все это кончится, но не хотѣлъ говорить, мороча генерала розсказнями о скорой капитуляціи.

— Ну, что? — спросилъ Кордецкій возвратившихся пословъ.

— Метаморфоза, положительно, метаморфоза, — со смѣхомъ

отвѣтилъ отецъ Доброшъ, — насколько мы были покорны, настолько генералъ вѣжливъ: не шумѣлъ, не грозилъ, не ругался, но угощалъ, пилъ за наше здоровье, просилъ выпить за его здоровье; ну, однимъ словомъ, хотѣлъ съ нами сблизиться и чуть-ли не подружиться. Но бѣда лишь въ томъ, что ему вѣрить нельзя.

— А относительно Вахлера?

— Ни слова.

— Вейгарда видѣли?

— Мраченъ и грозенъ.

— Не удивительно, планы его, слава Богу, рухнули. Что же вамъ сказалъ Миллеръ?

— «Принесите намъ ваши условія».

— Еще бы! — засмѣялся Кордецкій. — Недостаетъ того, чтобы онъ принялъ ихъ, и тогда мы, дѣйствительно, попали-бы въ западню. Намъ дорогъ каждый лишній день. Итакъ, завтра намъ надо послать за его условіями. Лишь бы только время шло, а тамъ, что Богъ дастъ.

Послѣ этихъ словъ Кордецкій съ веселымъ лицомъ пошелъ въ монастырь. Отецъ Доброшъ, неутомимый, отправился тотчасъ въ укрѣпленіе на помощь къ Малаховскому, а отецъ Ставійскій удалился на ночное бдѣніе.

II.

Въ квартирѣ Лассоты было тихо и печально; старецъ, потрясенный бѣгствомъ изъ дому и пережитыми въ послѣднее время впечатлѣніями, ежедневно тревожимый то штурмами, то слухами о сдачѣ или измѣнѣ, лежалъ, не вставая съ постели. Возлѣ него неотступно сидѣла Ганна, то утѣшая его, то вмѣстѣ съ нимъ плача. Бѣдной дѣвочкѣ рѣдко даже приходилось бывать въ церкви, такъ какъ больной требовалъ постоянного ухода, и только вечеромъ, когда на короткое время приходилъ отецъ Петръ, она выбѣгала на крыльцо подышать свѣжимъ воздухомъ и немного развлечься. Въ присутствіи старца она не рѣшалась даже вздохнуть, чтобы не испугать его и не причинить лишнихъ страданій. Напротивъ, дѣвочка старалась быть веселой, улыбалась и рассказывала ему разныя басни, какъ ребенку.

Почти каждый вечеръ къ крыльцу подходила старая нищая, садилась и ждала Ганну.

Одинокая дѣвочка скоро съ ней освоилась, и, не имѣя никого изъ близкихъ, даже привязалась къ Констанціи. Старая сообщала ей разныя новости, стараясь придавать имъ такую окраску, чтобы онѣ не тревожили любимицы и вмѣстѣ съ тѣмъ были-бы для нея интересны. По временамъ она разспрашивала Ганну объ ея жизни, о дѣдушкѣ, о домѣ, а когда дѣвочка передавала свое прошлое со всѣми мельчайшими подробностями, старушка не разъ, точно ея за сердце что-то хватало, попеременно то плакала, то смѣялась, незамѣтно для дѣвочки придвигалась къ ней, и цѣловала ея ноги. Кусокъ хлѣба, полученный отъ Ганны, постоянно былъ на груди у старухи, и ей было тяжело, что она до сихъ поръ не могла отблагодарить за оказанное благодѣяніе. Но чѣмъ же могла отблагодарить бѣдная нищая? Она долго думала объ этомъ, и вотъ однажды подарила дѣвочкѣ образокъ Божіей Матери, за которымъ ей пришлось идти въ мѣстечко черезъ неприятельскій лагерь подъ градомъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны пролетавшихъ надъ головой ядеръ. Въ этотъ разъ она принесла своей любимицѣ цѣлый букетъ цвѣтовъ и зелени, которые ей удалось получить изъ монастырской оранжереи.

Ганна часто рассказывала своему дѣду о Констанціи и о томъ, какъ она къ ней привязалась. Старый слушалъ и, казалось, начиналъ беспокоиться. Эта благодарность за кусокъ хлѣба казалась ему необыкновенной, и онъ рѣшилъ разспросить брата о нищей, которую всѣ знали въ Ченстоховѣ.

Услышавъ подъ окномъ шорохъ, дѣвочка выбѣжала на крыльцо и увидѣла старушку съ цвѣтами.

— Вотъ, возьми, мое дорогое дитя, — сказала Констанція, подавая Ганинѣ букетъ, — ты, кажется, любишь цвѣты.

И въ ту-же минуту она нагнулась, поцѣловала край платья дѣвочки и быстро исчезла.

Ганна, держа въ рукѣ букетъ, нѣкоторое время стояла въ задумчивости, какъ вдругъ возлѣ нея раздался знакомый голосъ о. Петра Лассоты.

— Откуда у тебя такіе красивые цвѣты?

— Ахъ, это мнѣ принесла старая Констанція, — отвѣтила въ

нѣкоторомъ смущеніи дѣвочка. Священникъ ласково погладилъ Ганну по головкѣ и вмѣстѣ съ ней вошелъ къ больному.

— Ну, что? какъ ты себя чувствуешь?—спросилъ о. Петръ, съ участіемъ глядя на своего брата.

— Да все тоже,—со вздохомъ отвѣтилъ старикъ.

— Ничего, ничего, Богъ дастъ, поправишься.

— Эхъ, гдѣ мнѣ!..

— Не унывай... А вотъ ты лучше взгляни,—сказалъ священникъ, указывая на дѣвочку,—какой твоя внучка получила подарокъ отъ Констанціи.

Больной немного поднялся съ постели и посмотрѣлъ сначала на Ганну, а потомъ на букетъ.

— Кстати, я уже нѣсколько дней все собираюсь спросить тебя про эту нищую,—медленно проговорилъ старикъ,—такъ такъ это что-то необыкновенное; она до такой степени привязалась къ Ганнѣ, что чуть-ли не ежедневно приходитъ къ ней. Недавно принесла образокъ, а вотъ сегодня цвѣты. Что это за женщина? Давно-ли она здѣсь въ Ченстоховѣ?

— Право, не знаю,—отвѣтилъ о. Петръ.— Одно только извѣстно, что она необыкновенное существо. Мнѣ кажется, старая немного помѣшана, милостыни не просить, а если получить что-нибудь, такъ отдастъ бѣднымъ, ночуетъ подъ открытымъ небомъ. Иногда она бываетъ слишкомъ весела, но вообще это тихое помѣшательство и вполнѣ безопасное. Старушка набожна, благочестива, и бояться ея нечего. Зовутъ ее слугой Пресвятой Дѣвы, да и она сама часто себя такъ величаетъ.

Янъ Лассота медленно опустился на подушки и вскорѣ бесѣда перешла на другую тему. Говорили объ осадѣ, измѣнѣ, о новыхъ распоряженіяхъ настоятеля, а такъ какъ это болѣе всего интересовало присутствующихъ, то подъ конецъ вечера про нищую совершенно забыли.

Окна квартиры, въ которой помѣщался Янъ Лассота, по какой-то странной случайности выходили какъ разъ въ ту сторону укрѣпленій, гдѣ начальствовали Кшиштопорскій и о. Игнатій Мелецкій. Оттуда отлично можно было видѣть всѣхъ, кто входилъ или выходилъ изъ этой квартиры, а потому Кшиштопорскій часто взглядывалъ на красивую Ганну, лицо которой вызывало въ его душѣ воспоминанія о далекомъ прошломъ. Онъ

смотрѣлъ на нее точно противъ воли, съ усиленіемъ отворачивался, но не проходило часа, какъ снова жадно глядѣлъ на нее. Разъ два онъ замѣтилъ Констанцію, и скрывшись за угломъ бастіона, наблюдалъ, какъ старушка разговаривала съ Ганной и нѣжно ласкала ее. Послѣ этого въ немъ произошла какая-то перемѣна. Гордый, сдержанный, суровый, всегда молчаливый, теперь онъ точно умышленно искалъ опасности, днемъ и ночью неутомимо работалъ, а когда начиналась канонада, онъ равнодушно стоялъ подъ самымъ ожесточеннымъ непріятельскимъ огнемъ. Въ глухую ночь, когда осенній вѣтеръ печально завывалъ въ крѣпостныхъ амбразурахъ, когда въ ночной тишинѣ слышались только клики часовыхъ, Кшиштопорскій останавливался въ томъ мѣстѣ, откуда свѣтился огонекъ въ квартирѣ Лассоты, и, терзаемый страшными муками, мрачно смотрѣлъ туда, гдѣ жилъ его заклятый врагъ.

Отецъ Игнатій, веселый и простой по натурѣ, не особенно былъ доволенъ своимъ угрюмымъ товарищемъ, съ которымъ нельзя было ни разговаривать, ни посмѣяться. Въ теченіе цѣлаго дня отъ него еле можно было добиться нѣсколькихъ словъ. Онъ говорилъ точно нехотя, а сказавъ какую-нибудь фразу, отворачивался и надолго умолкалъ. Добродушный о. Игнатій пытался расшевелить своего соратника, но стараніе его большей частью не имѣло успѣха.

Нищая была предметомъ особеннаго вниманія Кшиштопорскаго; она ему представлялась загадкой; раза два онъ спрашивалъ про нее о. Игнатія, но тотъ могъ сообщить ему столько же, сколько сообщилъ о Констанціи о. Петръ своему брату. Не получивъ никакихъ свѣдѣній, угрюмый шляхтичъ тѣмъ не менѣе не спускалъ съ нея глазъ. Его удивляло, что нищая во всякое время входила въ монастырь и разгуливала всюду, гдѣ только ей ни вздумается.

Кшиштопорскій искалъ случая встрѣтиться съ этой таинственной личностью, но каждый разъ, когда онъ приближался къ ней, она тотчасъ, какъ бы нарочно, исчезала. Лишь только издали старая замѣчала его высокую фигуру, какъ быстро входила въ церковь, въ ворота, или въ какой-нибудь домъ, очевидно, избѣгая непріятной встрѣчи. Всѣ старанія шляхтича оказывались напрасными, нищая всегда ловко усколь-

зала. Наконецъ, въ этотъ день, когда она принесла Ганнѣ цѣлѣ, но, замѣтивъ приближеніе о. Петра, кинулась въ сторону, Кшиштопорскій, подкарауливавшій ее, внезапно загородилъ ей дорогу и грозно окликнулъ:

— Стой! кто идешь?

— Это я, — сказала она дрожащимъ голосомъ, — слуга Пресвятой Дѣвы, старая нищая.. Что вы отъ меня хотите? Я уже раздала всѣ собранныя пули...

— Куда же въ такомъ случаѣ ты такъ воровски прокрадываешься? — спросилъ, внимательно оглядывая ее, Кшиштопорскій.

Констанція между тѣмъ накинула платокъ на голову, чтобы онъ не могъ заглянуть ей въ лицо.

— Пустите меня, — спокойно проговорила она, — я не имѣю времени, спѣшу въ церковь.

Шляхтичъ все всматривался, но въ ту минуту, когда онъ наклонился къ ней, желая получше разглядѣть старушку, она вырвалась отъ него и крикнула:

— Что-же это? Неужели въ Ченстоховѣ уже не узнаютъ слуги Пресвятой Дѣвы?.. Развѣ я переодѣтый шведъ? Нѣтъ, любезнѣйшій, — иронически добавила она, — я не шведъ и не еретикъ.

Отецъ Игнатій, наблюдавшій за этой сценой, громко крикнулъ съ вала:

— Господинъ Кшиштопорскій, вы напрасно беспокоитесь: это наша нищая, оставьте ее въ покоѣ, это Констанція.

Услышавъ знакомое имя, шляхтичъ сорвалъ съ ея головы платокъ, а бѣдная женщина, стараясь казаться веселой, со смѣхомъ проговорила:

— Ну, что? ты хотѣлъ полюбоваться мною?.. хороша? не правда-ли? Ха-ха-ха! стыдись, старый повѣса, затрогивать молодыхъ дѣвушекъ на улицѣ.

— Ахъ! это она! да, это она! — къ изумленію прошепталъ Кшиштопорскій, невольно отступивъ на нѣсколько шаговъ.

— Ага! ты теперь узналъ слугу Пресвятой Дѣвы, наконецъ-то убѣдился! Ха-ха! правда, любезнѣйшій, я хороша? Но еще лучше тѣ, что въ могилахъ гниютъ.

Констанція, смѣясь, погрозила пальцемъ и въ одинъ мигъ исчезла.

— Чего вы отъ нея хотѣли?—спросилъ о. Игнатій.—Вѣдь она наша благодѣтельница: носить намъ пули, слѣдить за шведами, а вчера проповѣдью своею такъ напугала олькушскихъ горцевъ, что они перестали дѣлать подкопъ, бросили свои инструменты и силой вырвались изъ непріятельскаго лагера.

Но монахъ-воинъ такъ-таки ничего не узналъ отъ Кшиштопорскаго. Угрюмый шляхтичъ молча отошелъ въ сторону, и, ставъ возлѣ амбразуры, въ задумчивости заглядѣлся вдаль. Монахъ понялъ, что въ душѣ этого человѣка происходитъ что-то странное, не захотѣлъ его тревожить и подошелъ къ бастіону. Черезъ нѣкоторое время Кшиштопорскій будто очнулся и, какъ бы желая забыться, порывисто схватилъ банникъ и съ какимъ-то ожесточеніемъ сталъ чистить пушку. Черезъ нѣсколько минутъ онъ снялъ съ себя вооруженіе, скинулъ шлемъ, отбросилъ мечъ и остался почти въ одной рубашкѣ, точно ему было душно, точно внутренній огонь нестерпимо жегъ его. Такъ, переходя отъ одного орудія къ другому, онъ проработалъ всю ночь, не уставая, въ какомъ-то лихорадочномъ волненіи, въ состояніи какого-то страннаго иступленія.

Отецъ Игнатій, не будучи въ состояніи понять, что случилось съ угрюмымъ шляхтичемъ, съ безпокойствомъ поглядѣлъ на него и началъ молиться.

— Нѣтъ сомнѣнія, — сказалъ онъ про себя, — что помѣшательство на нѣкоторыхъ дѣйствуетъ заразительно: лишь только посмотрѣлъ онъ на Констанцію, какъ тотчасъ опуталъ его какой-то бѣсъ. Если это долго будетъ продолжаться, то навѣрно не обойдется безъ соотвѣтственнаго такому случаю молебствія и святой воды. Да и удивляться тутъ нечему, потому что онъ никогда не молится и на вооруженіи его нѣтъ ни креста, ни образа, ни четокъ. Дѣло плохо; надо внимательно смотрѣть за нимъ; жаль, солдатъ хорошій, но что-то не ладно. Не грѣшилъ-ли слишкомъ много?... Богъ его знаетъ... И все молчить, все хмурится, и слова отъ него добиться нельзя.

Отецъ Игнатій озабоченно покачалъ головой, оперся о пушку, и, перебирая четки, сталъ тихо шептать «Pater noster».

III.

Была ночь, ночь осенняя, не улыбающаяся землѣ сладостію отдыха, не убаюкивающая чудной пѣснью величественнаго покоя, не благоухающая ароматами распускающихся цвѣтовъ, не бодрствующая надъ землею міриадами серебряныхъ и золотыхъ звѣздъ, но пасмурная, черная, страшная, полная таинственныхъ призраковъ, несущихся въ бурномъ, глухо завывающемъ вихрѣ. Слышались странные звуки, въ нихъ чудился порой то жалобный стонъ, то адскій смѣхъ, то плачь ребенка, то тяжкіе, глубокие, проникавшіе въ сердце вздохи.

Въ такое время даже въ тепломъ жилищѣ, у горящаго камина, на душѣ становится жутко и тоскливо, а каково подъ открытымъ небомъ, гдѣ каждый порывъ вѣтра, каждый таинственный, невѣдомый звукъ отдается въ встревоженномъ сердцѣ, заставляя его биться сильнѣй и сильнѣе.

Въ такую пору о. Игнатій сидѣлъ возлѣ своей башни, а Ышиш-топорскій прохаживался взадъ и впередъ отъ одного орудія къ другому. Первый перебиралъ четки, отсчитывая установленныя молитвы, второй, полуодѣтый, казался взволнованнымъ и изрѣдка стоналъ.

Вокругъ нихъ и надъ ними было совершенно темно, точно весь міръ покрылся погребальнымъ саваномъ. Вдали въ неприятельскомъ лагерѣ видѣлись огни, а на самой высокой колокольнѣ мерцалъ свѣтъ отъ зажженного факела, тщетно зывающаго о помощи.

Въ часовнѣ надъ воротами передъ образомъ слабо теплилась лампадка, въ башняхъ тускло свѣтились фонари. Въ темнотѣ эти мигающія огоньки, казалось, висѣли въ воздухѣ: трудно было отличить небо отъ земли, и по временамъ чудилось, что замокъ, расположенный на высокой горѣ, точно поднятъ волшебною силою и парить въ облакахъ.

Голоса часовыхъ, обмѣнивающихся лозунгомъ, мрачно звучали въ ночной тишинѣ. Одни говорили: «Спаси насъ, Святая Марія!», другіе имъ отвѣчали: «Memento mori». Порою монахъ казался огромнымъ катафалкомъ, на которомъ стоялъ гробъ съ мертвецомъ, а возлѣ точно стояли какія-то мрачныя

существа, шепчущія что-то зловѣщее, — до такой степени здѣсь было печально и мрачно.

Отецъ Игнатій продолжалъ усердно молиться, исподлобья поглядывая на своего товарища и прося Бога даровать ему покой, ибо въ этой омраченной, безпокойной душѣ клокотали, повидимому, неблагочестивыя чувства и страсти. Ихъ существованіе въ столь преклонномъ возрастѣ казалось загадкой смиренному монаху. Окончивъ молитвы, старый воинъ-священникъ не выдержалъ и пожелалъ начать бесѣду съ угрюмымъ шляхтичемъ. Сначала онъ началъ со вздоха, но его не слышалъ Кшиштопорскій, затѣмъ попытался обратить на себя вниманіе кашлемъ и болѣе глубокимъ вздохомъ, но шляхтичъ, занятый собою, очевидно, и теперь не слышалъ. Наконецъ о. Игнатій поднялся, прикрылъ голову капюшономъ и проговорилъ:

— Старость не радость, господинъ Кшиштопорскій, — смолodu мнѣ не приходилось такъ кутаться, когда, во времена Сигизмунда III, мы шли на Смоленскъ.

— Вы были, отче, подѣ Смоленскомъ?

— А какже, былъ, и до сихъ поръ остались у меня слѣды знакомства съ однимъ бояриномъ, который здорово рубанулъ меня по головѣ, за что, впрочемъ, я отблагодарилъ его съ излишкомъ. Ну, кто бы мнѣ повѣрилъ, что теперешній монахъ нѣкогда далеко недурно владѣлъ саблей? Да, не всегда приходилось перебирать четки. А, скажите, — добавилъ онъ черезъ минуту, — неужели вамъ не холодно?

Кшиштопорскій улыбнулся.

— Напротивъ, мнѣ жарко.

— Должно быть, вы больны. Смотрите, какой пронизывающій вѣтеръ... У меня подѣ рясой полушубокъ, да и то прохватывается.

— А мнѣ ничего.

— Что съ вами?

Кшиштопорскій повернулся въ ту сторону, откуда блеснулъ свѣтъ изъ квартиры Лассоты, и, вздохнувъ, пошелъ было далѣе, но тотчасъ вернулся и проговорилъ:

— Знаете, отче Игнатій, мнѣ въ жизни только два раза было холодно.

— Когда же это? — съ любопытствомъ спросилъ Мелецкій, обрадованный возможностью поговорить.

— Этого вамъ, отче, не подобаетъ слушать, — съ горькой улыбкой сказалъ шляхтичъ.

— Отчего же?

— Вы монахъ, а я хотя уже старъ... но все же... — онъ не закончилъ.

— Объяснитесь.

— Но я вовсе не думаю исповѣдываться! — рѣзко возразилъ Кшиштопорскій.

— А мнѣ кажется, что это не помѣшало бы.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. для исповѣди еще будетъ время.

— Да? какъ бы потомъ не было поздно!

— Не бѣда! — проворчалъ шляхтичъ. — Богъ милостивъ.

О. Игнатій умолкъ, а Кшиштопорскій, точно самъ желая высказаться, добавилъ:

— Если хотите знать, когда мнѣ въ жизни было холодно, то я вамъ расскажу.

— Какъ вамъ угодно.

— Такъ вотъ, первый разъ это было, когда я женился, — проговорилъ Кшиштопорскій, — а второй разъ, когда у меня отняли жену.

— Какъ отняли? — спросилъ священникъ.

— А такъ, отняли, да и только, — отвѣтилъ шляхтичъ.

Монахъ снова умолкъ, но Кшиштопорскій уже не могъ сдерживаться и воскликнулъ:

— Вы вызвали меня на объясненіе, такъ слушайте же.

— Лишь бы вы не рассказывали того, что подобаетъ слушать только на исповѣди.

— Повѣрьте, что въ моемъ рассказѣ ничего не будетъ такого, что могло бы оскорбить ваши благочестивыя чувства. О любви вамъ слушать можно, а я, отче, любилъ женщину, созданную для того, чтобы терзать людей и приводить въ отчаяніе. Это былъ демонъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ангелъ.

— Не смѣшивайте только святого съ мірскимъ, — прервалъ о. Игнатій. — Какъ можно женщину сравнивать съ ангеломъ!

— Однако, такъ было, иначе опредѣлить нельзя, — возразилъ Кшиштопорскій. — Она была зла и добра, твоя и не твоя.

Сегодня любить такъ, что кажется, жизнь за тебя готова отдать; завтра, глядишь, явился другой, она уже улыбается ему, очаровываетъ его до такой степени, что тотъ окончательно теряетъ голову. Сегодня умиляетъ тебя до слезъ, дарить блаженство, а завтра насмѣхается надъ тобой и погружается въ бездну отчаянія.

— Надо было оставить ее, пока вы не женились.

— Да, оставить... если бы это было возможно; человекъ пожертвовалъ бы частью своей жизни, лишь бы забыть ее, но увы! она опутывала такую крѣпкою нитью, что приходилось стыдиться, плакать и снова возвращаться. Съ того времени прошло много-много лѣтъ, но и теперь, лишь только вспомню ее, какъ тотчасъ кровь закипитъ во мнѣ, и гнѣвъ и зависть начинаютъ терзать мою душу.

— Осѣните себя крестнымъ знаменіемъ,—сказалъ о. Игнатій,—это ничто иное, какъ навожденіе.

— Справедливо изволите говорить, отче, это, дѣйствительно, было навожденіе: человекъ переставалъ быть самимъ собою, имъ овладѣвала какая-то волшебная сила и опутывала его.

— Слѣдовало молиться и почаще осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ.

— Пробовалъ, но Богъ былъ глухъ къ моимъ мольбамъ.

— Все-таки надо было неустанно прибѣгать къ молитвѣ.

— Я любилъ ее дѣвушкой, любилъ замужней...

— А вотъ это ужъ преступленіе! — воскликнулъ о. Игнатій.

— Знаю, отче, но это, очевидно, было навожденіе, должно быть, мной овладѣли адскія силы... я отнялъ, наконецъ, ее у мужа, выхлопоталъ разводъ и женился...

Монахъ перекрестился и глядѣлъ на шляхтича въ съ божанью и изумленіемъ.

— Но,—добавилъ Ышиштопорскій,—демонъ, соблазнившій меня мечтой о счастья, началъ вскорѣ терзать. Когда я отнялъ ее у мужа, она стала мучить меня своимъ кокетствомъ, какъ мучила перваго, и довела до бѣшенства. Никто, никто не въ состояніи былъ устоять противъ ея чаръ: кого только желала, она заставляла падать къ ея ногамъ.

— Очевидно, она была легкомысленная женщина, злая, испорченная, но...

— Но это былъ демонъ!—воскликнулъ шляхтичъ, — да, она была демонъ, такъ какъ кто только разъ ее полюбилъ, тотъ любилъ ее до послѣдняго вздоха. Она довела меня до того, что я принужденъ былъ ее запереть, такъ какъ ревнивъ я былъ, какъ басурманъ и въ безуміи сталъ мстить жестокой женщиной.

— Страшныя вещи вы мнѣ рассказываете!

— Слушайте же до конца. Первый мужъ, узнавъ объ ея судьбѣ, не выдержалъ: напалъ на меня ночью и освободилъ ее. Она ушла, и съ того времени я уже не видѣлъ ее болѣе. Впослѣдствіи я ему отомстилъ.

— Но что-же вамъ дала месть, ослѣпленный человѣкъ?—спросилъ священникъ Мелецкій.

— Правда, немного, такъ какъ она возбудила во мнѣ еще большую жажду мести, — горько засмѣялся шляхтичъ, — а далѣе я мстилъ, быть можетъ, потому, что не могъ уже остановиться и совершенно потерялъ голову, да и теперь еще не могу прійти въ себя. Ея дочь, дочь отъ перваго брака, умерла и, Богъ знаетъ, не по моей-ли винѣ. Я лишилъ его имѣнія, довелъ почти до нищеты..,

— А легче вамъ отъ этого?—снова спросилъ монахъ.

— Легче не легче, а все же была минута торжества. Наконецъ, Богъ наказалъ меня: умеръ мой единственный сынъ. У меня ничего не оставалось, кромѣ злобы. Мой заклятый врагъ, однако, остался, живетъ, имѣетъ еще утѣшеніе... на закатѣ дней его озаряетъ свѣтъ...

Отъ гнѣва и зависти Кшиштопорскій не договорилъ. Священникъ Мелецкій ласково обратился къ нему:

— Видите, Богъ никогда не благословляетъ месть.

— Отче!—съ силою прервалъ старый шляхтичъ,—вы прожили свою жизнь въ мирѣ и благочестіи, а потому вамъ трудно меня понять, но бываютъ минуты, когда жажда мести охватываетъ всю душу, доводитъ до безумія...

— Противъ такого чувства человѣкъ долженъ защищаться молитвой.

— Я молился, молюсь, но, увѣ! молитва не проникаетъ въ мое сердце.

— Капля по каплѣ долбитъ даже камень. Вспомните ла-

тинскіе стихи, гдѣ поэтъ говоритъ: «Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo».

— Найдите же мнѣ эту каплю, — съ чувствомъ воскликнулъ Кшиштопорскій. — Нѣтъ, нѣтъ! мое сердце тверже скалы, ничто его не пробьетъ, ничто не смягчитъ.

Сказавъ это, шляхтичъ снова поглядѣлъ на свѣтъ, блестящій въ окнѣ Лассоты, задрожалъ, сжалъ кулаки, прикусилъ губы, изъ которыхъ показалась капля крови, и проговорилъ точно про себя:

— Я все потерялъ, а онъ имѣетъ утѣшеніе. У меня ничего нѣтъ, а у него есть надежда, радость, счастье. Такъ быть не можетъ, чѣмъ онъ лучше меня? Умру, но отомщу!

Священникъ Мелецкій, испуганный вызванными признаніями и воспоминаніями шляхтича, переданными съ такой горячностью, отошелъ немного въ сторону, не желая ими еще болѣе раздражать своего товарища, и снова началъ молиться, съ цѣлю изгладить слѣды испытанныхъ впечатлѣній.

Вскорѣ раздался ударъ колокола, призывающій къ ночному бдѣнію, и о. Игнатій поспѣшно отправился въ церковь. Кшиштопорскій, какъ только остался одинъ, внимательно осмотрѣлся, не слѣдитъ-ли кто, быстро спустился внизъ и подошелъ къ квартирѣ Лассоты. Глаза его искрились, лицо горѣло, онъ напряженно вслушивался, но ничего не могъ слышать.

Въ слабо освѣщенной комнатѣ шляхтичъ увидѣлъ дѣвочку, сидѣвшую возлѣ кровати старца, который спалъ сладкимъ, безмятежнымъ сномъ. Ганна тоже будто дремала, со сложенными на груди руками, точно дремота овладѣла ею во время молитвы. Выраженіе ея лица было таково, точно душу ея ласкаютъ волшебныя грезы, точно передъ ней проносятся небесныя видѣнія. На устахъ была счастливая улыбка, вся поза выражала неземное спокойствіе.

Никогда, кажется, человѣкъ не смотрѣлъ на другого человека съ большой ненавистью, какъ въ эту минуту Кшиштопорскій на старца и Ганну. Онъ пожиралъ ихъ своими глазами и, если бы могъ, то убилъ бы, не задумываясь; и быть можетъ, вслѣдствіе силы этого взора, полного страшной ненависти, или какой-нибудь другой причины, Ганна внезап-

но съ крикомъ поднялась съ кресла, а старикъ въ испугѣ проснулся.

— Что съ тобой, Ганна? что случилось, дитя мое?

— Ничего, ничего, дѣдушка... такъ... мнѣ приснился страшный сонъ, я вскрикнула и разбудила тебя.

— Не безпокойся, моя дорогая, я не спалъ, — отвѣтилъ старецъ.

— Какъ, не спали?

— Нѣтъ, нѣтъ, я только закрылъ глаза; прошу тебя, ложись, надо пользоваться спокойными минутами, пока не стрѣляютъ; засни, отдохни.

— Мнѣ спать не хочется, я спала днемъ.

— Бѣдное дитя, ты изведешь себя изъ-за меня!

— О, дѣдушка! — воскликнула Ганна и, въ порывѣ нѣжности, склонивъ колѣни, она поцѣловала руку старца.

Кшиштопорскій, какъ ужаленный, отпрянулъ отъ окна и скрылся въ ночной темнотѣ.

IV.

Настоятель довольно рано отправилъ тѣхъ же пословъ въ шведскій лагерь, что были уже вчера. Замойскій поддерживалъ его въ дѣлѣ веденія переговоровъ, доказывая, что необходимо выгадать время, въ ожиданіи какихъ-нибудь подкрѣпленій. Въ этомъ отношеніи возлагались надежды на короля Яна-Казимира, на кievскаго каштеляна, на Станислава Варшицкаго и Броневскаго, ждали помощи также отъ польской шляхты, въ предположеніи, что она не останется равнодушной къ извѣстію объ осадѣ Ясной-Горы, и наконецъ надѣялись, что приближающаяся зима заставитъ шведовъ снять осаду. Однимъ словомъ, старались, насколько возможно, протянуть время. Одинъ только Чарнецкій относился съ предубѣжденіемъ къ переговорамъ.

— Я нахожу, — сказалъ онъ настоятелю, — что эти переговоры совершенно напрасны. Сдаться, вѣдь, мы не думаемъ и не желаемъ, а между тѣмъ заводимъ съ непріателемъ какую-то по меньшей мѣрѣ странную игру, недостойную рыцарскаго народа.

Замойскій придерживался какъ разъ противоположнаго мнѣнія, и Кордецкій, ничего не говоря, руководился въ данномъ случаѣ мнѣніемъ послѣдняго. Какъ монахъ и человѣкъ, онъ чувствовалъ отвращеніе къ такого рода уловкамъ, но какъ вождь, отвѣчающій за жизнь многихъ, сознавалъ ихъ необходимость. Желая имѣть гарантію въ безопасности своихъ пословъ, настоятель передъ ихъ отправленіемъ въ шведскій лагерь потребовалъ отъ Миллера заложниковъ. Генералъ согласился прислать двухъ старшихъ офицеровъ. Священники уже выходили изъ воротъ, какъ со стороны лагера показался одинъ только заложникъ, по фигурѣ и походкѣ котораго легко можно было узнать, что это не одинъ изъ старшихъ офицеровъ, а просто переодѣтый солдатъ.

— Вотъ видите, — замѣтилъ Чарнецкій, — здѣсь дѣло неладно, даже въ выборѣ заложниковъ произошелъ обманъ, а вы все еще тянете эту скучную канитель.

— Да для чего-же заложники? — возразилъ о. Доброшъ, — мы столько разъ были въ шведскомъ лагерь и ничего съ нами не случилось. Дастъ Богъ и теперь вернемся невредимыми; наконецъ если-бы даже Миллеръ замышлялъ что-нибудь дурное, то неужели вы думаете, что мы не въ состояніи перенести мученичества?

Отецъ Ставискій молча кивнулъ головой въ знакъ согласія, и священники бодро отправились въ путь, напутствуемые благословленіемъ своего настоятеля. Кордецкій былъ печаленъ, и, казалось, предчувствовалъ, что нынѣшніе переговоры кончатся чѣмъ-нибудь дурнымъ.

Онъ нѣсколько минутъ стоялъ въ задумчивости и затѣмъ, обращаясь къ замойскому, проговорилъ:

— Ежедневно, ежечасно я повторяю: не наше это дѣло война.

— Тѣмъ болѣе чести вамъ, что вы ее ведете за вѣру и родину.

— Все это хорошо, — прервалъ Чарнецкій, — но я, въ свою очередь, повторяю, что со шведами надо не разговаривать, но сражаться. Диспутируя съ ними, мы можемъ попасть въ очень неловкое положеніе.

Замойскій взглянулъ на него съ улыбкой, въ которой слегка сквозило какъ бы сожалѣніе.

— Что-же намъ дѣлать, если мы находимся между молотомъ и наковальней?—проговорилъ онъ.—Намъ приходится защищаться всѣми возможными средствами: мечомъ и головой, тѣмъ болѣе, что силы наши, въ сравненіи съ непріятельскими, ничтожны.

Чарнецкій пожалъ плечами, тоже какъ будто съ состраданіемъ.

— Можете быть увѣрены, что разговоры здѣсь ни къ чему не приведутъ. Мой всегдашній совѣтъ былъ и будетъ: не разглагольствовать, но сражаться, нещадно бить врага и въ хвостъ и въ гриву, доколѣ не образумится и не отправится туда, откуда пришелъ. Вотъ и весь сказъ.

— Но вѣдь надо и отдохнуть,—замѣтилъ настоятель,—если не намъ самимъ, которымъ Богъ по своей неизреченной милости далъ столько силы для защиты праваго дѣла, то нашимъ воинамъ, утомленнымъ столь продолжительной и тягостной осадой. Кто знаетъ, быть можетъ, Всемогущій пошлетъ намъ откуда-нибудь помощь, или спасетъ безъ дальнѣйшаго пролитія человеческой крови.

Орудія въ уврѣбленіяхъ молчали, и это еще болѣе портило настроеніе духа Чарнецкаго; покачавъ головой, онъ съ нескрываемымъ неудовольствіемъ удалился на свой постъ.

Монахи, между тѣмъ, подходили уже къ палаткѣ Миллера, который съ нетерпѣніемъ ждалъ пословъ. Желая выказать въ полномъ блескѣ свое могущество и этимъ оказать давленіе на парламентаровъ, онъ выстроилъ всѣ имѣющіяся войска, поставивъ ихъ въ боевомъ порядкѣ. На лицѣ Миллера мелькала веселая улыбка, между тѣмъ какъ стоящій возлѣ него Вейгардъ былъ мраченъ и молчаливъ.

— Ну, что-же вы мнѣ хорошаго скажете?—спросилъ генералъ прибывшихъ пословъ.

— Пріоръ не желаетъ и не можетъ составлять условія канитуляціи,—отвѣтилъ о. Доброшъ,—ему кажется болѣе подходящимъ предварительно знать то, что вы желаете и затѣмъ обсудить по пунктамъ, насколько ваши желанія могутъ быть осуществимы.

— Тѣмъ лучше,—замѣтилъ Миллеръ, нисколько не предполагая, что противникъ хочетъ только новой проволоочки.—Полковникъ,—обратился онъ къ Вейгарду,—потрудитесь составить

условія, а вы, отцы, тѣмъ временемъ будьте моими гостями и отдохните.

Генераль тотчасъ приказалъ подать завтракъ и любезно пригласилъ монаховъ къ столу, но такъ какъ была пятница, а кушанья подавались все скоромныя, то послы подъ благовиднымъ предлогомъ отказались, заявивъ, что у нихъ постъ.

— Ахъ, правда, у васъ постъ! — съ улыбкой воскликнулъ Миллеръ. — Вотъ какъ долѣе мы погостимъ въ Польшѣ, такъ лучше будемъ помнить объ этомъ. По случаю осады вы, вѣроятно, и рыбы не ѣдите. У меня ея съ излишкомъ; часть могу даже предложить вашему настоятелю; вы ему передадите, вмѣстѣ съ условіями, нѣсколько прекрасныхъ щукъ. Пусть приметъ отъ меня этотъ подарокъ.

Монахи только молча поклонились.

— Видите, — продолжалъ генераль, — хотя я самъ не пощусь, но могу относиться съ уваженіемъ къ постамъ. Поститесь себѣ сколько вамъ угодно, мое брюхо отъ этого не пострадаетъ.

Сказавъ это, онъ засмѣялся и выпилъ за здоровье пословъ, принуждая ихъ непременно выпить за его здоровье. Отецъ Доброшъ съ отвращеніемъ исполнилъ желаніе хозяина, но о. Ставискій, который никогда не пилъ, извинился и категорически отказался. Отовсюду на монаховъ были устремлены то удивленные, то злобные взгляды, и потому все время въ этомъ вражескомъ станѣ они чувствовали себя, какъ на иголкахъ. Одинъ только Миллеръ былъ съ ними обходителенъ и радушенъ. Не желая, чтобы послы скучали въ одиночествѣ, генераль любезно бесѣдовалъ съ ними и избѣгалъ тягостныхъ, щекотливыхъ для своихъ гостей вопросовъ. Между тѣмъ, Вейгардъ диктовалъ писарю условія. Вскорѣ онъ были написаны и поданы Миллеру. Тотъ просмотрѣлъ и вручилъ ихъ о. Доброшу, а затѣмъ, припомнивъ обѣщанную рыбу, позвалъ солдата и велѣлъ нести за послами шесть огромныхъ щукъ. Монахи, простившись, удалились.

Кордецкій, встрѣтивъ священниковъ у воротъ, и, замѣтивъ шведскаго солдата съ такой провизіей, сначала удивился, а потомъ весело расхохотался.

— Вотъ кстати, — сказалъ онъ, поглядывая на громадныхъ

щукъ,—сегодня пятница, и если бы не эта рыба, то намъ пришлось бы удовлетвориться сухарями. Мы-то, положимъ, къ нимъ привыкли, а вотъ господамъ дворянамъ тяжело сидѣть на пищѣ св. Антонія, и они будутъ довольны шведскимъ даромъ, если только онъ не отравленъ. А условія?—добавилъ онъ.

— Вотъ онъ,—со вздохомъ проговорилъ о. Доброшъ, подавая бумагу.—Генералъ, какъ и вчера, чрезвычайно любезенъ, но надолго ли—вотъ вопросъ.

— Хорошо и то, что есть, дорогие братья,—сказалъ настоятель,—но времени терять не будемъ; я иду въ definitorium, слѣдуйте за мною.

Шляхтичи, замѣтивъ въ рукахъ пріора бумагу, поспѣшили за нимъ въ залу и тотчасъ расположились на своихъ мѣстахъ.

Священникъ Доброшъ началъ читать. Требованія были поставлены почти тѣ же самыя, что и раньше: отречься отъ короля Яна-Казимира, за что въ награду обѣщана безопасность лицъ и собственности, покровительство религіи и свободному исполненію всѣхъ обрядовъ; сдать крѣпость шведскому гарнизону въ числѣ 150 человекъ и содержать его на счетъ монастыря; солдаты должны помѣщаться въ построенныхъ ими же возлѣ стѣнъ баракахъ, а офицеры въ монастырскихъ зданіяхъ; шляхтичамъ и солдатамъ предлагаются охранныя грамоты, съ каковыми они безпрепятственно могутъ выйти изъ замка и вернуться въ покинутые ими дома. Тоже самое предоставляется господину Замойскому съ семьей, но подъ условіемъ отреченія отъ Яна-Казимира.

Замойскій, услышавъ такое условіе, поправилъ усы и покачалъ только головой.

Отецъ Доброшъ продолжалъ: «Пріоръ подпишетъ условія капитуляціи, послѣ чего должны быть открыты ворота. Гарнизонъ свободно можетъ удалиться. Генералъ Миллеръ вѣдетъ сначала со свитой для осмотра замка».

— А! видно надобно ему сидѣть подъ открытымъ небомъ,—проговорилъ Чарнецкій,—оттого и просится первымъ подъ крышу.

— Что же теперь дѣлать?—спросилъ настоятель.

— Продолжать въ томъ же духѣ,—сказалъ Замойскій,—

тянуть елико возможно, отправить новое посольство, предложить новыя условія, а въ концѣ концовъ оставить ихъ съ носомъ.

— Но наконецъ они замѣтятъ; не дураки же они въ самомъ дѣлѣ, — возразилъ Чарнецкій.

— Когда замѣтятъ, тогда подумаемъ, что дѣлать дальше, — проговорилъ Замойскій, — а пока лишь бы время проходило, лишь бы дожидаться откуда-нибудь подкрѣпленія.

— Подкрѣпленія, — замѣтилъ Чарнецкій, — можно ожидать развѣ только отъ Бога, но отъ людей врядъ ли. У каждого теперь свое дѣло и некогда думать о насъ; а потому, по моему мнѣнію, мы должны рассчитывать болѣе всего на собственныя силы и, не покладая рукъ, нещадно бить непріятеля.

— Но ста пятьюдесятью человѣками вы не перебьете десятитысячный отрядъ.

— А почему бы и нѣтъ? — возразилъ Чарнецкій. — Разу-мѣется, не сразу, но постепенно... Комотить ихъ аккуратно, добросовѣстно изо-дня въ день, пока наконецъ не растають.

— Все это прекрасно, — проговорилъ настоятель, — но тѣмъ не менѣе приходится послѣдовать совѣту господина Замойскаго, который хочетъ щадить людскую кровь, а намъ проливать кровь...

— *Necessitudo frangit legem*, — прервалъ Чарнецкій, — мы можемъ плакать надъ необходимостью и все-таки бить шведовъ.

— Однако, пока что, — замѣтилъ Кордецкий, — вы намъ позволите вести переговоры, такъ какъ и это необходимость. Мы воспользуемся этимъ временемъ, укрѣпимъ стѣны, исправимъ причиненныя бомбардировками поврежденія и дадимъ нашимъ солдатамъ немного отдохнуть. А затѣмъ, когда гарнизонъ оправится, можно еще лучше взяться за оборону.

— Никакъ не могу съ этимъ согласиться, — воскликнулъ старый вояка, — такъ какъ солдату, какъ и коню, необходимъ постоянный трудъ; лишь только застоялся, глядишь и дѣло не ладно. Въ бою человѣкъ укрѣпляется, а позволишь ему дремать, такъ онъ живо сдѣлается байбакомъ и не мало потребуется хлопотъ, чтобы его снова расшевелить.

Нѣкоторые изъ присутствующихъ улыгнулись.

Чарнецкій, замѣтивъ, что ни въ комъ не встрѣчаетъ со-

чувствія, по обыкновенію, пожалъ плечами, отошелъ въ сторону, а Замойскій, пользуясь всеобщимъ молчаніемъ, добавилъ:

— Итакъ, значить, рѣшено: отправить новое посольство и тянуть, елико возможно.

— Согласенъ, согласенъ! — проговорилъ настоятеля. — Но отцы Доброшъ и Ставискій устали, а потому надо выбрать другихъ. Братья, у кого есть охота? — онъ оглядѣлъ монаховъ и остановилъ свой взглядъ на стоявшихъ съ краю священниковъ Блешинскомъ и Малаховскомъ. Тѣ поняли его и тотчасъ выступили впередъ.

— Ну, вотъ и хорошо, — обратился къ нимъ Кордецкій, — ступайте во имя Бога и ведите переговоры. Помните, что вы не должны говорить ничего такого, что имѣло бы категорическій характеръ, и не принимать отъ нашего имени никакихъ обязательствъ. Въ случаѣ какихъ-нибудь угрозъ со стороны непріятелей, не падайте духомъ и надѣйтесь на нашу помощь, не подавайтесь ни на какія уловки и не забывайте, что шведовъ мы никогда и ни подъ какимъ видомъ не пустимъ въ Ченстоховъ. Какъ только вы замѣтите, что дѣло близится къ концу и отъ васъ могутъ потребовать категорическій отвѣтъ, сошлитесь на меня и заявите, что вы не уполномочены постановить окончательное рѣшеніе.

Священники молча слушали наставленія пріора. Выборъ сдѣланный имъ былъ очень удаченъ. Оба посла были твердаго характера, сильной воли и обладали способностью къ самопожертвованію. Отецъ Блешинскій, мужчина въ полномъ расцвѣтѣ физическихъ и духовныхъ силъ, казался однимъ изъ тѣхъ людей, которые ничего не боятся, такъ какъ сознаютъ свою мощь и увѣрены, что преодолѣютъ все. Цѣлью его жизни была мученическая смерть. Отецъ Малаховскій физически былъ слабѣе своего товарища, но въ духовномъ отношеніи не уступалъ ему. Блешинскій съ улыбкой позволилъ бы себя убить и пѣлъ бы гимнъ на кострѣ, Малаховскій съ не меньшей отвагой принесъ бы въ жертву свою жизнь, но молча, безъ всякихъ внѣшнихъ проявленій своего душевнаго состоянія. Первый обладалъ пылкой натурой и жаждалъ подвиговъ самопожертвованія, у второго натура была далеко не экспансивная, онъ въ уединеніи стремился къ нравственному само-

пожертвованію, и чѣмъ болѣе приближался къ своему идеалу, тѣмъ болѣе недоволенъ былъ собою. Таковы были люди, предназначенные для переговоровъ съ начальникомъ шведскаго войска. Получивъ благословеніе отъ своего настоятеля, они надѣли плащи, и, не мѣшкая, отправились въ непріятельскій лагерь.

Миллеръ уже ждалъ пословъ и тотчасъ пригласилъ ихъ въ свою палатку.

— Ну, — сказалъ онъ, — довольно этихъ церемоній... — Надѣюсь, условія уже подписаны?

— Нѣтъ еще, — возразилъ священникъ Блешинскій, — но мы пришли о нихъ переговорить.

— Какъ? еще говорить? — воскликнулъ генералъ, нахмурившись. — Неужели вы ихъ находите для себя невыгодными? Чего вы ждете и что у васъ на умѣ?

— Мы нечего не имѣемъ, — смѣло отвѣтилъ Блешинскій, — противъ всѣхъ поставленныхъ намъ пунктовъ, кромѣ одного...

— Какого-же именно? — быстро спросилъ Миллеръ.

— Отреченія отъ короля Яна-Казимира. Мы клялись быть ему вѣрными и не можемъ нарушить данной нами присяги.

— Онъ больше не король! — воскликнулъ шведъ, ударивъ кулакомъ по столу. — Что за выдумки! Выбросьте это изъ словы.

— Если не онъ, то и никто другой, — тихо началъ священникъ Малаховскій. — Мы стоимъ на законной почвѣ, у насъ существуетъ право избранія, безъ соблюденія какового никто королемъ быть не можетъ. Ежели Карлъ-Густавъ будетъ избранъ народомъ и провозглашенъ первымъ архіепископомъ, тогда мы безпрекословно подчинимся ему.

— Слышишь, монахъ! — съ гнѣвомъ крикнулъ Миллеръ, ударивъ по эфесу своей сабли, — право наше на остріѣ воть этой сабли! Мы не знаемъ вашихъ законовъ и знать не хотимъ! Какъ побѣдители, правимъ силой, а не законами! Мы не присягали соблюдать ваши права.

— А для насъ ваша сила есть только насиліе, а право всегда останется правомъ, — твердо возразилъ Малаховскій. — Не наше дѣло принимать участіе въ политическихъ распряхъ и вообще въ мирскихъ интересахъ, но мы обязаны сохранить вѣрность по отношенію къ царствующему монарху. Янъ Казимиръ

міръ, хотя теперь изгнанникъ, для насъ останется королемъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ избранъ кто-нибудь другой...

— Всѣ, однако, оставили вашего Яна, всѣ отреклись отъ него.

— Намъ это не примѣръ,—возразилъ Блешинскій, — мы, монахи, свято должны хранить данную нами присягу, хотя-бы за нее пришлось даже кровь пролить.

— Вотъ какъ!—воскликнулъ генераль.—Таковъ, значить, вашъ отвѣтъ? Вы хотите кровь проливать? Хорошо! У васъ будетъ ее по горло. Я покажу вамъ свою силу и Карла Густава, я васъ усмирю по-своему, разъ вы не желаете слушать добраго слова.

Волнуясь все болѣе и болѣе, Миллеръ быстро ходилъ взадъ и впередъ, нервно ероша свои сѣдые усы. Для него невыносимо было то, что подойдя такъ близко къ цѣли, ему снова приходится отступить.

— Это одни только проволочки,—сказалъ генераль, останавливаясь передъ послами, — какія-то шутки и хитрости... Впрочемъ, что тутъ долго толковать! Даны вамъ полномочія для окончанія этого дѣла, или нѣтъ?

— Вести переговоры—да, но не ратификовать выработанные условія—сказалъ Блешинскій.

— Тогда зачѣмъ-же вы пришли?

— Вести переговоры,—спокойно повторилъ монахъ.

— Что это? вы шутки шутите, что-ли?—съ яростью крикнулъ Миллеръ.

Монахи равнодушно смотрѣли на эти бурные порывы гнѣва и были совершенно невозмутимы.

— Успокойтесь и не сердитесь на насъ,—черезъ минуту замѣтилъ Малаховскій,—мы послы и передаемъ то, что намъ передать приказано.

— Послы! послы!—съ презрительнымъ смѣхомъ сказалъ генераль.—Хорошо, вы останетесь у меня, господа послы, и будете заложниками до самого конца всей этой глупой исторіи. Очень жаль, что до сихъ поръ я былъ къ вамъ слишкомъ снисходителенъ и добрѣ. Если монастырь скоро не капитулируетъ, ваши головы падутъ.

Нисколько не смутившись этой угрозой, монахи молча пе-

реглянулись, а на лицѣ Блешинскаго мелькнула гордая улыбка. Къ несчастію, Миллеръ замѣтилъ ее и, предположивъ, что надъ нимъ издѣваются, страшно разсвирѣпѣлъ.

— Ты смѣешься!—воскликнулъ онъ, съ яростію приблизившись къ Блешинскому, — смѣешься, монахъ, бритая башка! Ты думаешь, что я обязанъ относиться съ уваженіемъ къ твоему сану, что не осмѣлюсь посягнуть на тебя! Что вы для меня? Ничто! За вашу жизнь волосъ съ головы моей не упадетъ, вы бунтовщики, заговорщики! Я васъ сегодня-же велю повѣсить!

На подобную выходку священники ничего не могли отвѣтить и умолкли. Генеральъ призвалъ одного изъ младшихъ офицеровъ и приказалъ взять монаховъ подъ стражу, а затѣмъ послать трубача въ монастырь съ требованіемъ прислать другихъ пословъ съ необходимыми полномочіями для окончанія переговоровъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, участь задержанныхъ въ лагерѣ священниковъ будетъ очень печальна. Кромѣ того, Миллеръ велѣлъ объявить настоятелю, что если изъ замка послѣдуетъ хотя одинъ выстрѣлъ, монахи тотчасъ будутъ повѣшены.

Въ то время, когда генеральъ отдавалъ это приказаніе, вошелъ Вейгардъ, и, узнавъ въ чемъ дѣло, вполне одобрилъ принятые противъ осажденныхъ мѣры. Вскорѣ явился Садовскій, но тотъ, на вопросъ, какого онъ мнѣнія относительно происшедшаго, ничего не отвѣтилъ, и молча, съ очевиднымъ отвращеніемъ, въ ту-же минуту удалился.

Между тѣмъ священники Блешинскій и Малаховскій подъ конвоемъ были препровождены въ лагерь и тамъ оставлены на посмѣяніе и издѣвательство грубыхъ солдатъ. Это было начало ихъ мученичества. Насмѣшки надъ ихъ саномъ, лицами, одеждой были ничто въ сравненіи съ кощунственными оскорбленіями, наносимыми ихъ религіи. Солдаты окружили монаховъ, хватали ихъ за рясы, били, толкали, плевали, словомъ, продѣлывали надъ беззащитными плѣнниками все, на что только были способны по своей грубой скотской натурѣ. Священникъ Блешинскій хотѣлъ молиться, но у него изъ рукъ вырвали четки и растоптали ногами. Имъ не дали ни присѣсть, ни отдохнуть, ни поѣсть, а, въ концѣ концовъ, во избѣжаніе побѣга, ихъ связали веревками и бросили на сырую землю.

Нѣтъ ничего хуже озвѣрѣвшаго солдата. Звѣрь лучше его, такъ какъ немедленно растерзаетъ свою жертву, между тѣмъ какъ солдатъ старается истязать ее какъ можно долѣе и наслаждается самымъ видомъ мученій. Въ этомъ случаѣ ненависть къ плѣнникамъ обострялась различіемъ вѣроисповѣданій и местию за погибшихъ въ бою товарищей. Къ счастью для монаховъ, ихъ не разлучили и оставили вмѣстѣ: такимъ образомъ они могли поддерживать другъ друга, если не словомъ, то дружескимъ сочувствующимъ взглядомъ.

Брошенные въ жертву наемникамъ Карла Густава, они въ одинъ часъ перенесли больше страданій, чѣмъ могли представить себѣ въ мечтахъ о мученической кончинѣ, которою, желали увѣнчать свою аскетическую жизнь. Имъ теперь недоставало только смерти, но она была вовсе не страшна, послѣ всего, что имъ пришлось выстрадать въ столь непродолжительное время, мало того — она была спасеніемъ.

Между тѣмъ, генераль Миллеръ, въ полной увѣренности, что непріятель не смѣлится стрѣлять, подступилъ съ войскомъ къ замку, съ цѣлью воспользоваться возбужденной въ гарнизонѣ тревогой.

У.

Лишь только Кордецкій узналъ о задержаніи священниковъ пословъ, какъ тотчасъ понялъ, какой участи они могутъ подвергнуться въ неволѣ у шведовъ. Пріоръ въ отчаяніи опустился на колени и началъ плакать, и Замоискому съ трудомъ удалось успокоить его надеждой, что какъ ни жестокъ и деспотиченъ Миллеръ, но все-же не рискнетъ посягнуть на ихъ жизнь, такъ какъ подобнымъ поступкомъ онъ возбудилъ-бы негодованіе во всей Польшѣ и повредилъ бы интересамъ Карла Густава.

Въ монастырѣ, среди монаховъ, вѣсть о плѣненіи Блешинскаго и Малаховскаго произвела тяжелое, угнетающее впечатлѣніе.

Всѣ почти горевали объ ихъ участи и не чаяли видѣть въ живыхъ, старшіе какъ могли, успокаивали своихъ товарищей.

Кромѣ задержанія священниковъ, была еще другая причина горя и тревоги, имѣвшая связь съ первой.

Шведы, объявивъ, что тотчасъ послѣ перваго выстрѣла со стороны осажденныхъ они повѣсятъ плѣнныхъ монаховъ, воспользовались этой угрозой, какъ военнымъ фортелемъ и двинулись къ монастырю. Благодаря происшедшему смятенію и тому, что ясногорскія пушки молчали, а защитники стояли въ полнѣйшей нерѣшительности, шведы окружили гору со всѣхъ сторонъ и постепенно подымались на нее, прикрываясь наскоро сооружаемыми шанцами. Среди непріятелей происходило сильное движеніе, торопились воспользоваться невольной бездѣятельностью осажденныхъ. Согнанные изъ окрестныхъ деревень посяляне принуждены были подъ страхомъ смерти работать надъ подкопомъ для подведенія мины, пододвигались орудія на болѣе близкую дистанцію, отряды рейтаровъ разъѣзжали по всѣмъ направленіямъ, обслѣдывая невредженія, причиненныя замку предыдущими бомбардировками. Всѣ эти приготовленія, кажется, ни на каго не производили такого впечатлѣнія, какъ на Чарнецкаго. Замоискій внимательно наблюдалъ за дѣйствіями осаждающихъ и сравнительно спокойно что-то обдумывалъ, но первый страшно волновался, и, наконецъ, не будучи въ состояніи долѣе себя сдерживать, чуть не бѣгомъ бросился въ келью настоятеля, и, простирая къ нему руки, воскликнулъ:

— Отче! благодѣтель! милостивецъ! если не позволишь открыть по непріятелямъ огонь, то окончательно можемъ обзѣмѣть, какъ мы, такъ и наши солдаты. Вы поглядите только, какія сцены разыгрываются передъ нашимъ носомъ и совершенно безнаказанно. Шведы лѣзутъ чуть-ли не подъ самыя стѣны, бѣгаютъ, кричатъ, ругаются, насмѣхаются, а между тѣмъ нельзя стрѣлять въ этихъ мерзавцевъ! Если такъ будетъ продолжаться дальше, то я не выдержу и попрошу меня уволить.

— Но, дорогой другъ,—отвѣтилъ Бордецкій,—надо же сначала подумать, прежде чѣмъ на что-нибудь рѣшиться. Нельзя-же такъ легко относиться къ судьбѣ двухъ достойныхъ, благочестивыхъ монаховъ.

— А я голову теряю,—проговорилъ Чарнецкій.—Прошу васъ, хотя на минуту, зайти въ укрѣпленіе, тогда вы сами убѣдитесь, можно-ли чѣловѣку, обладающему хотя бы ангельскимъ терпѣніемъ, сдерживать себя настолько, чтобы не по-

потчевать этихъ каналій пулей. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что тутъ даже святой не стерпѣлъ-бы и началъ-бы жарить этихъ негодяевъ, куда попало.

Настоятель, видя Чарнецкаго въ такомъ волненіи, охотно подчинился его желанію и послѣдовалъ за воинственнымъ шляхтичемъ въ укрѣпленіе. Дѣйствительно, видъ съ бруствера былъ печальный и тягостный. Орудія замка молчали, канониры стояли возлѣ нихъ въ бездѣйствіи, шляхтичи и священники въ сильномъ смущеніи переходили отъ бастіона къ бастіону, исподлобья поглядывая на непріятеля. Шведы все подвигались впередъ, окружая со всѣхъ сторонъ гору, слышались призывные звуки трубъ и глухой трескъ барабановъ. Землекопы бѣгали съ заступами, съ фашинами, орудія перевозились на новыя позиціи, начальники подѣзжали то къ одному отряду, то къ другому, а болѣе смѣлые изъ кавалеристовъ приближались къ самымъ стѣнамъ и кричали:

— Сдавайтесь скорѣе! не то мы повѣсимъ вашихъ монаховъ. Смотрите, вотъ уже ставятъ для нихъ висѣлицу.

— Не защититъ васъ Ченстоховская икона? — говорили другіе. Нѣкоторые со смѣхомъ стрѣляли по выглядывавшимъ изъ-за бруствера осажденнымъ.

— Ну, что, отче, слышите? — воскликнулъ Чарнецкій. — Эти псы положительно взбѣсались; прикажите запереть меня въ келью, такъ какъ иначе, видитъ Богъ, не выдержу!

— Что дѣлать, дорогой другъ, — сказалъ Кордецкій. — Богъ послалъ намъ новое испытаніе.

— Но войдите въ мое положеніе, возможно-ли, слыша такія оскорбленія, сдерживать себя настолько, чтобы не открыть огонь?

— Тогда, въ самомъ дѣлѣ, идите въ свою келью и запирайтесь, пока мы не посоветуемся и не придемъ къ какому-нибудь рѣшенію. Легко-ли стрѣлять, когда эти выстрѣлы пролетятъ нашихъ братьевъ.

— Въ такомъ случаѣ, я уйду, — проговорилъ Чарнецкій.

Онъ нахлобучилъ на голову шапку и отправился въ свою келью, вздыхая по дорогѣ такъ сильно, что слышно было по всей оборонительной линіи.

Храбрый шляхтичъ нѣсколько разъ оглянулся на настоя-

теля, какъ-бы ожидая, что тотъ попросить его вернуться обратно.

Внезапно гарцовавшіе возлѣ стѣнъ наѣзтники, точно въ испугѣ, шарахнулись въ сторону и отступили шаговъ на двѣсти. Изъ крѣпостного рва неожиданно появилась Констанція, прикрытая большимъ бѣлымъ платкомъ. Суевѣрные воины въ первую минуту сочли ее за привидѣніе, но вскорѣ, замѣтивъ, что она приближается къ нимъ и узнавъ знакомую старую нищую, опять стали подѣзжать къ ясногорскимъ укрѣпленіямъ. Констанція, ставъ впереди ихъ, начала размахивать своей палкой, точно гетманской булавой.

— Господа!—кричала она солдатамъ,—пожалуйте за мной на стѣны. Осажденные не стрѣляютъ и вотъ теперь для храбрыхъ людей самая пора идти на штурмъ. Добудете славу безъ всякой опасности.

Сказавъ это, старуха громко засмѣялась. Нѣсколько поляковъ, бывшихъ въ числѣ гарцовавшихъ наѣзтниковъ, въ смущеніи остановились.

— На стѣны, господа!—продолжала Констанція,—да скорѣе, пользуйтесь удобнымъ случаемъ, не каждый день для васъ будетъ такой праздникъ! Вы вѣдь съ монахами имѣете дѣло, не бойтесь—я буду вашимъ гетманомъ!

Стыдъ-ли или какая-нибудь другая причина подѣйствовали на поляковъ, но они постепенно, одинъ за другимъ, стали удаляться, а вскорѣ за ними послѣдовали и другіе всадники. Констанція оглянулась, и, увидавъ, что кругомъ пусто, торопливо стала подбирать валявшіяся на землѣ пули. Набравъ ихъ полный передникъ, она поспѣшно спустилась въ ровъ, такъ какъ уже наступали сумерки.

VI.

Въ теченіе цѣлаго дня Кушиштопорскій бродилъ по своему посту, не говоря ни слова съ отцомъ Игнатіемъ, не обращая вниманіе на то, что кругомъ происходило, точно оборона обители его уже не интересовала, и только упорно глядѣлъ въ сторону квартиры Яна Лассоты. Казалось, въ немъ созрѣвалъ какой-то тайный планъ. Напрасно священникъ Мелецкій пы-

тался расшевелить, развеселить своего угрюмаго товарища: старанія почтеннаго монаха оказались тщетными; шляхтичъ въ молчаніи бродилъ до тѣхъ поръ, пока /его вмѣстѣ съ другими не пригласили на совѣтъ.

Настоятель, монахи и шляхтичи собрались въ *definitorium* и оживленно спорили по поводу поставленныхъ и требующихъ скорого разрѣшенія вопросовъ. Мнѣнія раздѣлились.

Одни хотѣли защищаться, доказывая, что генералъ Миллеръ не рѣшится поступить съ задержанными въ шведскомъ станѣ монахами такъ, какъ онъ общалъ; другіе совѣтовали ждать, въ расчетъ на приближающуюся зиму; иные утѣшали надеждой на помощь отъ короля, или кievскаго каштеляна; нѣкоторые, поддаваясь малодушію, предлагали капитуляцію. Замоискій молча размышлялъ, а Чарнецкій, по своему обыкновенію, страшно кипятился.

— Что тутъ думать, чего тутъ совѣтоваться! — кричалъ онъ во весь голосъ. — Что случилось, того не перемѣнишь. Намъ ничего другого не остается, какъ продолжать борьбу не на животь, а на смерть. Честь нашей родины требуетъ этой жертвы. Таково мое глубокое убѣжденіе.

— Нѣтъ, нѣтъ, дорогой мой другъ, — прервалъ Кордецкій, — прежде мы должны исчерпать всевозможныя средства для спасенія нишихъ пословъ. Иныя говорятъ, что генералъ Миллеръ не осмѣлится посягнуть на ихъ жизнь, но основательно ли такое предположеніе? Развѣ онъ мало перевѣшалъ, перестрѣлялъ шляхтичей и священниковъ, мало ли ограбилъ церквей и монастырей? Врядъ ли генералъ отнесется съ уваженіемъ къ сану своихъ плѣнниковъ, а между тѣмъ, ихъ жизнь намъ очень дорога и мы должны употребить всѣ усилія къ тому, чтобы они не пали напрасной жертвой. По мнѣнію почти всѣхъ, шведы, въ какихъ-нибудь дня два, слишкомъ значительнаго вреда намъ причинить не могутъ; въ случаѣ же настоятельной необходимости, можно будетъ открыть огонь и снова заставить ихъ отступить, а тѣмъ временемъ попытаемся придумать какое-либо средство для спасенія нашихъ друзей.

Лишь только настоятель кончилъ, какъ изъ рядовъ шляхтичей выступилъ нѣкій Плаза и въ сильномъ смущеніи началъ:

— Съ позволенія вашего высокопреподобія, я вижу, что видѣсь уже мнѣнія спрашивать не предполагается.

— Какъ? чьего мнѣнія?—спросилъ пріоръ.

— Кромѣ меня, — продолжалъ нѣсколько оправившійся Плаза, — найдутся еще другіе, которые полагають, что раньше или позже придется сдаться шведамъ. Зачѣмъ напрасно защищать то, чего защитить нельзя? Несчастье! Король насъ оставилъ, почти всѣ перешли на сторону непріятеля, даже ханъ отказывается отъ союза. Борются съ судьбой напрасно, лучше выговорить себѣ хорошія условія и подчиниться волѣ Божьей...

Лицо Кордецкаго вспыхнуло отъ негодованія. Выпрямившись во весь ростъ, онъ подошелъ къ рядамъ шляхтичей и, простирая руки къ небу, съ грустью воскликнулъ:

— И это вы, сыновья тѣхъ отцовъ, что возрасли и умерли въ бояхъ, что никогда не сомнѣвались въ побѣдѣ, что ничего не боялись на свѣтѣ; вы, потомки непобѣдимыхъ рыцарей, которыхъ ни турки, ни татары, ни нѣмцы не могли одолѣть, вы нынче говорите о сдачѣ, о подчиненіи кратковременно торжествующему врагу?! Неужели мы до такой степени пали? Это сомнѣніе, этотъ подлый страхъ, которые вы смѣете выражать во всеуслышаніе, ведетъ насъ къ гибели! И не стыдно вамъ любить свою жалкую жизнь болѣе родины, чести и славы и не имѣть достаточно мужества, чтобы безъ содроганія встрѣтить смерть лицомъ къ лицу, какъ подобаетъ воину-христіанину! Отечество съ мольбой взываетъ къ своимъ сынамъ о помощи, а между тѣмъ вы блѣднѣете отъ страха и сомнѣнія. Вижу, вижу! — продолжалъ онъ въ неописанномъ экстазѣ, — какъ это малодушіе, подобно испорченной каплѣ крови, передается въ грядущія поколѣнія: мы окажемся слабыми въ тотъ моментъ, когда отвага намъ будетъ особенно необходима; насъ будутъ терзать несогласія и распри; мы будемъ гордиться своими предками, не имѣя возможности гордиться собой и, наконецъ, безсильные падемъ во прахъ, не встрѣтивъ ни въ комъ даже чувства сожалѣнія. Воспряньте же духомъ, пока не поздно, и докажите своимъ мужествомъ, что вы достойны вашихъ великихъ отцовъ, дѣянія которыхъ записаны на страницахъ нашей исторіи. Развѣ въ ней мало

примѣровъ, достойныхъ подражанія; развѣ нашъ народъ не выходилъ со славою изъ болѣе тяжкихъ испытаній? Да, наконецъ, теперь, развѣ вы не видите, что мы, старики, съ ничтожнымъ гарнизономъ въ какихъ-нибудь двѣсти чѣловѣкъ, въ продолженіе многихъ дней даемъ отпоръ хорошо дисциплинированному, десятитысячному непріятельскому отряду? Неужели надо, чтобы монахи служили примѣромъ мужества и выносливости представителямъ рыцарскаго сословія?!

Плаза, поблѣднѣвъ, отступилъ, но черезъ минуту, оправившись отъ смущенія, прошепталъ:

— Въ такомъ случаѣ, выпустите насъ.

Но на шляхтича тотчасъ всѣ накинулись, такъ что Кордецкій не слышалъ этой фразы, а Чарнецкій съ гнѣвомъ проговорилъ:

— Да вы никакъ обалдѣли? Кто вамъ далъ право высказывать такую мерзость? Отъ чьего имени, позвольте васъ спросить? Другой на вашемъ мѣстѣ сгорѣлъ бы отъ стыда.

— Но... видите-ли, — бормоталъ Плаза, — шведы настолько сильны...

— Мы пустимъ васъ къ шведамъ послѣ осады, если они вамъ такъ нравятся тѣмъ, что сильны, — закончилъ Чарнецкій, — идите на поклонъ хотя бы къ самому черту, такъ какъ онъ еще сильнѣе шведа.

Послѣдній аргументъ былъ настолько увѣсителенъ, что притѣсненный и окончательно растерявшійся шляхтичъ поспѣшилъ спрятаться въ уголъ, не найдя поддержки въ своихъ единомышленникахъ, уговорившихъ его выступить съ подобнымъ заявленіемъ.

Когда наступила тишина, настоятель снова заговорилъ:

— Я повторяю и повторяю, что надо вѣры, побольше вѣры. Согласіе и вѣра творятъ чудеса. Въ нихъ заключается великая, таинственная, непреоборимая сила, на нихъ зиждется миръ и благоденствіе народовъ. Помните также, что жизнь безъ самопожертвованія не имѣетъ значенія, а потому не жалѣйте ея въ защиту того, что считаете своимъ главнымъ священнымъ долгомъ.

А Замойскій добавилъ:

— Господа, всѣ мы пришли сюда затѣмъ, чтобы сражаться.

ся за нашу народную святыню и доказать, что не вся страна подчинилась иноплеменнику-врагу и что не все граждане позволять надеть на себя ярмо. Предъ алтаремъ мы клялись бороться до послѣдней капли крови, такъ будемъ же вѣрны добровольно данной нами клятвѣ. Въ защиту праваго дѣла я съ радостью принесу въ жертву не только драгоценную для меня жизнь моего единственного сына, котораго съ благословеніемъ пошлю на эту священную брань.

Чарнецкій подошелъ къ Замойскому, и, крѣпко пожавъ ему руку, воскликнулъ:

— Вотъ слова, достойныя истиннаго рыцаря! Другъ мой, идемъ же скорѣе въ укрѣпленіе и откроемъ огонь.

— Объ этомъ поговоримъ завтра, — твердо замѣтилъ пріоръ.

Совѣтъ кончился. Рѣшено было обратиться къ Миллеру съ просьбой освободить задержанныхъ въ шведскомъ лагерѣ священниковъ, и, въ случаѣ отказа, подчиниться волѣ Божьей и продолжать борьбу во чтобы то ни стало.

Послѣ этого все вышли изъ *definitorium*. Пріоръ отправился въ церковь, а Замойскій и другіе поспѣшили въ укрѣпленіе, такъ какъ теперь необходимо было соблюдать величайшую осторожность, чтобы неожиданно не быть застигнутыми непріятелемъ, подступавшимъ все ближе и ближе. Въ эту ночь въ монастырѣ спали только старцы и дѣти, остальные были на стѣнахъ. Шляхтичи и монахи провѣряли караулы, въ ночной тишинѣ слышался только шопотомъ передаваемый лозунгъ да бой часовъ на башнѣ.

На зарѣ, въ шведскомъ лагерѣ произошло большое движеніе, но сначала нельзя было рѣшить, что это значило. Одни предполагали, что къ непріятелямъ подошли подкрѣпленія, другіе видѣли въ этомъ снятіе осады, иные какую-то непонятную панику, а нѣкоторые — приготовленіе къ штурму, и послѣдніе, кажется, были ближе всего къ истинѣ. Кто-то утверждалъ, что по дорогѣ изъ Кракова движется какой-то отрядъ на помощь шведамъ. Приходилось ждать восхода солнца, чтобы лучше разглядѣть то, что творилось во вражескомъ станѣ. Когда объ этомъ сообщили настоятелю, онъ, опасаясь неожиданнаго нападенія, немедленно поспѣшилъ на башню, но непріятельскія позиціи были покрыты туманомъ и ничего нельзя было

разсмотрѣть. Наконецъ, взошло солнце и мгла стала постепенно разсѣиваться. День былъ пасмурный, печальный.

Внезапно у воротъ послышался звукъ трубы, а черезъ минуту прибѣжалъ монахъ съ извѣстьемъ, что отъ шведовъ прибылъ парламентаръ. Это былъ уже знакомый осажденнымъ ротмистръ Куклиновскій, бреттеръ и забулдыга. Выраженіе лица его было веселое, а такое настроеніе у союзника шведовъ не предвѣщало ничего хорошаго ясногорскимъ защитникамъ. Кордецкій встрѣтилъ парламентаря у вторыхъ воротъ, не желая пустить его далѣе. Возлѣ настоятеля стояли Замойскій и два монаха. Ротмистръ приблизился и безъ церемоніи началъ:

— А что, отче, не пора-ли уже кончать? Поупрямились и довольно.

На эту дерзкую и глупую рѣчь Кордецкій не счелъ нужнымъ отвѣчать, въ особенности потому, что Куклиновскій немного былъ пьянъ. Замойскій презрительно пожалъ плечами.

— Чего еще ждете?—продолжалъ парламентаръ.— Не хотите-ли, чтобы мы разнесли въ пухъ и прахъ этотъ курятникъ, который существуетъ до сихъ поръ, благодаря только состраданію къ вамъ генерала Миллера?

— Благодаримъ за состраданіе,—съ улыбкой проговорилъ настоятель,—это во всякомъ случаѣ прекрасное чувство, но...

— Отче,—прервалъ Куклиновскій,—тутъ нечего бобы разводить; надо сдаться и баста! Чего ждете? подкрѣпленій?

— Ну, хотя-бы подкрѣпленій.

— Отъ кого, отъ Стефана Чарнецкаго?

— Нѣтъ ничего удивительнаго, если мы даже отъ него ждемъ помощи.

— Ха! ха! — засмѣялся ротмистръ,—взгляните только, — онъ указалъ рукой на окно,—взгляните.

Присутствующіе приблизились къ окну и увидѣли польскій пѣхотный отрядъ съ распущенными знаменами, дефилировавшій вдоль укрѣпленій,

— Это отрядъ Вольфа!—воскликнулъ Замойскій? Что это такое? Развѣ онъ присоединился къ непріятелямъ?

Настоятель спокойно глядѣлъ на проходившихъ солдатъ, но не показывалъ никакого удивленія.

— Краковъ сдался,—громко проговорилъ Куклиновскій,—

Стефанъ Чарнецкій вывелъ свои войска изъ города, но вотъ этотъ его отрядъ подъ начальствомъ Вольфа, спокойно расположившійся въ Сѣвежѣ былъ неожиданно окруженъ шведами и попалъ въ плѣнъ. Короля нѣтъ, войска тоже, гетманы куда-то исчезли, весь край завоеванъ. Теперь скажите: на кого еще можете надѣяться?

— На Бога! — твердо отвѣтилъ нисколько не растерявшійся Кордецкій.

— Какъ? — смѣясь, замѣтилъ ротмистръ. — Неужели вы до такой степени обезумѣли, что хотите еще сопротивляться?

Все молчали. Куклиновскій остолбенѣлъ.

— Это положительно сумасшествіе! — воскликнулъ онъ черезъ минуту. — Опомнитесь и спасайтесь, пока не поздно. Я католикъ и даю вамъ добрый совѣтъ, такъ какъ мнѣ васъ жаль.

Настоятель горько улынулся.

— Ну, что-же вы прикажете мнѣ отвѣтить генералу Миллеру? — спросилъ парламантеръ.

— Скажите ему, что мы видѣли отрядъ Вольфа, что мы знаемъ о взятіи Кракова и тѣмъ не менѣе продолжаемъ молиться за короля Яна-Казимира.

— А какъ будетъ съ начатыми переговорами?

— Развѣ возможны переговоры, — гордо отвѣтилъ Кордецкій, — съ тѣмъ, который нарушилъ признаваемые всеми народами права войны, который не признаетъ неприкосновенности пословъ, беретъ ихъ въ плѣнъ и позволяетъ оскорблять? Передайте ему, что мы возобновимъ переговоры лишь въ томъ случаѣ, когда онъ освободитъ измѣннически задержанныхъ имъ монаховъ.

Куклиновскій хотѣлъ было что-то сказать, но настоятель поспѣшилъ прѣститься съ нимъ, не желая напрасно терять времени и отправился въ укрѣпленіе. По всему монастырю быстро распространилась вѣсть о капитуляціи Кракова и прибытіи взятаго въ плѣнъ отряда Вольфа. Многіе были въ сильномъ смущеніи и съ минуты на минуту ждали штурма. Чарнецкій въ лосяномъ кафтанѣ, опустивъ голову, прохаживался взадъ и впередъ по двору и злобно ворчалъ:

— Опять бѣда, опять придется бѣздѣльниковъ воодушевлять затрещинами.

Женщины съ дѣтьми на рукахъ, старики, челядь, всѣ высыпали на стѣны, останавливали монаховъ — воиновъ, въ тревогѣ спрашивая ихъ о положеніи дѣлъ и обмѣниваясь другъ съ другомъ тревожными новостями.

Внезапно среди толпы появился Кордецкій. Откинувъ закрывавшій его лицо капюшонъ, онъ громко проговорилъ:

— Дѣтя мои! Краковъ сдался, шведы измѣннически захватили Вольфа съ его отрядомъ, король оставленъ и пребываетъ въ Спизѣ, почти вся Польша завоевана — вотъ предѣлы нашихъ бѣдствій! Гнѣвъ Божій вскорѣ утихнетъ. Чѣмъ сильнѣе и строже Всемогушій караетъ, тѣмъ скорѣе смиляется. Нынѣ Богъ довѣрилъ намъ прекраснѣйшій постъ и желаетъ, чтобы слабые стали примѣромъ всему народу. Мы одни мужественно и честно боремся со шведами, ненарушимо соблюдая данную нами присягу. Обратимся же къ Богу съ горячей мольбою, что бы Онъ укрѣпилъ насъ для дальнѣйшей и столь же мужественной обороны. Пусть всегда у насъ царятъ согласіе и вѣра — и мы побѣдимъ! Вотъ наше знамя, — продолжалъ онъ, указывая на образъ Богоматери, висѣвшій на наружной стѣнѣ часовни, — вотъ наша сила!... Съ надеждой прибѣгнемъ же подъ Ея защиту и Она не оставитъ насъ.

Лишь только онъ кончилъ, какъ толпа бурнымъ потокомъ хлынула къ часовнѣ. Мужчины, женщины, дѣти упали передъ алтаремъ Пресвятой Дѣвы и всею душою предались молитвѣ. Въ это самое время оркестръ на башнѣ заигралъ «*Salve, regina*».

О, какъ велика сила молитвы! Она возноситъ нашъ духъ и таинственно насъ преображаетъ. Когда звуки торжественной молитвы громкимъ эхомъ прокатились по всей окрестности, солдаты Вольфа тотчасъ остановились противъ часовни Богоматери, съ благоговѣніемъ сняли тяжелые шлемы и склонили знамена. Шведы замѣтили это и поспѣшили отвести плѣнныхъ въ сторону.

Между тѣмъ генералъ Миллеръ и Вейгардъ были почти увѣрены, что плѣненіе пословъ, появленіе въ ихъ станѣ Вольфа съ отрядомъ, извѣстіе о сдачѣ Кракова и отступленіи Стефана Чарнецкаго къ Бендзину заставить осажденныхъ капитулировать. «Наконецъ-то, — думалъ графъ, — мы побѣдимъ» — и ранѣе наслаждался мыслью о томъ, какъ онъ отомститъ мо-

нахамъ за то, что осмѣлились не исполнить его приказаній.

Но каково-же было изумленіе во всемъ лагерѣ, когда Буклиновскій вернулся и передалъ, что переговоры возобновятся лишь въ томъ случаѣ, если послы будутъ освобождены.

Миллеръ даже поднялся со стула.

— Я ихъ сейчасъ освобожу,—сказалъ онъ,—вотъ какъ только приготовить висѣлицу! Какъ они смѣютъ учить меня и говорить о какихъ-то правахъ? Развѣ эта лисья нора-крѣпость? Развѣ они солдаты, а задержанные монахи—послы?

Генералъ злобно засмѣялся и тотчасъ велѣлъ ближе подступить къ монастырю, и, окруживъ его какъ можно тѣснѣе, открыть огонь по осажденнымъ, которые все еще не рѣшались вступить въ бой.

Миллеромъ все болѣе и болѣе овладѣвало нетерпѣніе; во всѣхъ постигшихъ его неудачахъ онъ постоянно обвинялъ Вейгарда.

— Если-бы не вы,—говорилъ Миллеръ,—я бы спокойно сидѣлъ въ Пруссіи, гдѣ было-бы мнѣ гораздо удобнѣе и лучше, чѣмъ здѣсь. Тамъ мы по крайней мѣрѣ что-нибудь сдѣлали, а тутъ стоимъ и возимся съ попами и не можемъ съ ними сладить.

— Но, генералъ, мы уже приблизились къ цѣли,—повторялъ Вейгардъ.

— Я этого не нахожу.

— Да вѣдь мы почти уже взяли Ченстоховъ... черезъ нѣсколько часовъ крѣпость капитулируетъ. Вахлеръ увѣряетъ, что у нихъ даже пороху нѣтъ. Малѣйшее съ нашей стороны усиліе—и попы сдадутся.

— Такъ почему же не сдаются?

— Надо идти на штурмъ,—сказалъ графъ.

Генералъ засмѣялся.

— Не сдѣлавъ пролома и не засыпавъ рва?

— Сѣверный редутъ работаетъ надъ этимъ.

— Однако, пролома нѣтъ какъ нѣтъ; стѣны толстыя, а ядра, точно шальные, Богъ знаетъ, куда-то летятъ... Если-бы не было стыдно, я бы отступилъ; здѣсь происходитъ положительно что-то непонятное...

— Дѣйствительно, для войска шведскаго короля это былъ-

бы позоръ. Виттенбергъ взялъ Краковъ, а генераль Миллеръ не можетъ овладѣть Ченстовомъ, а господинъ Кордецкій оказался бы лучшимъ полководцемъ, нежели господинъ Чарнецкій, превосходно знающій военное искусство. Имѣйте въ виду, генераль, что, отступивъ отъ Ясной Горы, вы потеряете гораздо больше, чѣмъ можете себѣ представить.

— Вы уже мнѣ слишкомъ достаточно говорили о монастырскихъ сокровищахъ. Навѣрно, это такая-же правда, какъ то, что Ченстоховъ съ минуту на минуту капитулируетъ.

— Я видѣлъ собственными глазами, — воскликнулъ Вейгардъ, стараясь возбудить жадность шведа, — что алтари чуть-ли не цѣликомъ изъ чистаго серебра и покрыты драгоценными покрывами; въ сокровищницѣ цѣлыя груды золота, алмазовъ и жемчуговъ; тамъ хранятся великолѣпныя церковныя сосуды, чудныя серебряныя статуи и наличными деньгами по меньшей мѣрѣ нѣсколько сотъ тысячъ талеровъ.

Миллеръ съ удовольствіемъ слушалъ, и лицо его освѣтилось улыбкой. Въ эту минуту вошелъ ординарецъ и подаль ему письмо отъ Кордецкаго. Въ немъ настоятель, какъ и черезъ Куклиновскаго, просилъ объ освобожденіи пословъ.

— Если, — говорилось въ концѣ, — вы посвятите на ихъ жизнь (чего мы не думаемъ), то мы всѣ подчинимся волѣ Божьей и смерть ихъ будѣтъ жертвой во имя свободы, ради которой мы будемъ бороться до послѣдняго вздоха!

Прочитавъ эти слова, старый воинъ невольно задумался. Это непоколебимое мужество въ несчастіи произвело на него впечатлѣніе, но лишь на одну минуту; въ немъ снова заговорило оскорбленное самолюбіе, снова закипѣлъ гнѣвъ на гордыхъ, непокорныхъ монаховъ.

— Позвать ко мнѣ одного изъ задержанныхъ поповъ! — крикнулъ генераль своему ординарцу.

Вскорѣ въ палатку Миллера подъ конвоемъ ввели священника Блешинскаго. Онъ былъ истощенъ, блѣденъ и еле держался на ногахъ, тѣмъ не менѣе, выраженіе его лица попрежнему оставалось непреклоннымъ.

Шведскій генераль былъ однимъ изъ тѣхъ людей, на которыхъ людское страданіе производитъ точно опьяняющее дѣйствіе, какъ кровь, пролитая въ бою. Увидѣвъ монаха въ та-

комъ жалкомъ положеніи, онъ улыбнулся, и, указывая ему на монастырь, сказалъ:

— Ступай къ своему настоятелю и передай все, что ты видѣлъ въ нашемъ лагерѣ; пусть сдаются, пока я позволяю сдать. Имѣй въ виду, что ты долженъ вернуться назадъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ товарищъ твой попадетъ на висѣлицу. Клянусь честью, если не вернешься, онъ погибнетъ.

VII.

Братъ Павелъ сидѣлъ у воротъ и усердно молился, какъ вдругъ онъ увидѣлъ блѣднаго истомленнаго Блешинскаго въ сопровожденіи шведскаго солдата. Брата Павла это появленіе отчасти даже поразило, такъ какъ онъ какъ разъ въ эту минуту молился о возвращеніи пословъ и Богъ точно услышалъ его молитву. Онъ быстро открылъ ворота, и, впустивъ Блешинскаго, весело воскликнулъ:

— Ну, слава Всемогущему, что вы вернулись. Бѣгу сейчасъ сообщить настоятелю радостную вѣсть. А гдѣ-же отецъ Захарій?

— Не радуйтесь такъ по поводу моего возвращенія, — проговорилъ священникъ, — я пришелъ сюда на время... а отецъ Захарій остался въ рукахъ невѣрныхъ.

— Какъ?... да развѣ... васъ еще не освободили?..

— Дайте мнѣ вздохнуть! — отвѣтилъ монахъ, и, войдя въ келью брата Павла, тяжело опустился на скамью. — Ахъ! — продолжалъ онъ усталымъ голосомъ, — какъ мнѣ жаль теперь той спокойной, безмятежной жизни, проведенной въ монастырѣ! Надо же было промѣнять намъ нашъ рай земной на войну, на эту ужасную борьбу.

— Тихе! тихе! — добродушно замѣтилъ братъ Павелъ, — а то еще кто-нибудь услышитъ, что вы жалуетесь. Такъ приказалъ настоятель... и мы должны терпѣливо страдать во славу Пресвятой Дѣвы. Не поддавайтесь отчаянію, Богъ дастъ, станутъ лучшія времена. А, можетъ быть, не мѣшало-бы вамъ подкрѣпиться трапезой?

Но священникъ не отвѣтилъ, и, опустивъ голову, задремалъ,

Во снѣ ему представилось все пережитое: шведскій лагерь, шумъ, грохотъ, крики и брань.

Братъ Павелъ, не желая его тревожить, неслышно вышелъ изъ кельи и далъ знать настоятелю, что пришелъ Блешинскій, но до такой степени ослабѣвшій, что, сидя на скамьѣ, заснулъ. Черезъ нѣкоторое время дверь открылась и въ комнату вошелъ Кордецкій, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ, пожелавшихъ видѣться съ своимъ товарищемъ. Скрипѣніе двери разбудило Блешинскаго. Онъ слегка вскрикнулъ отъ неожиданности и оглядѣлъ блуждающимъ взоромъ прибывшихъ.

— Какъ?—проговорилъ еще не совсѣмъ очнувшійся монахъ,—неужели я снова въ монастырь? Что же это со мной было?

— Успокойтесь, успокойтесь!—воскликнулъ Кордецкій, садясь возлѣ него.—Очень радъ васъ видѣть... а за то, что вы претерпѣли, Богъ наградитъ васъ.

— Да,—промолвилъ Блешинскій,—я выстрадалъ много... и Богъ вѣсть, какую чашу придется испить... быть можетъ, смерть.

— Какъ? что вы говорите? А гдѣ же отецъ Захарій?

— Я вовсе не освобожденъ,—отвѣтилъ священникъ,—равно какъ и Малаховскій. Тотъ остался въ лагерьѣ, а я пришелъ сюда, въ качествѣ посла отъ Миллера. Въ теченіе нашего недолгаго пребыванія въ шведскомъ станѣ, мы столько перенесли оскорбленій словами и дѣйствіями, что эти сутки намъ показались столѣтіемъ. Шведы всю ночь издѣвались надъ нами, мы были для нихъ игрушкой. Въ довершеніе всего, намъ угрожаютъ смертью. Сегодня утромъ Миллеръ отправилъ меня въ монастырь и заявилъ, что если я не вернусь, то отецъ Захарій будетъ немедленно повѣшенъ. Генералъ поклялся, что приведетъ угрозу въ исполненіе.

— Какъ? вы снова вернетесь въ шведскій лагерь?

— Тотчасъ вернусь,—сказалъ Блешинскій,—а тамъ, что Богъ дастъ. Я не боюсь смерти, она гораздо легче тѣхъ мученій, какія намъ пришлось испытать въ томъ разбойничьемъ станѣ. И я пришелъ,—добавилъ онъ со вздохомъ,—не обнадежить васъ, но, увы! разочаровать въ надеждѣ...

— Не ослышался-ли я, отче?... Вы-ли это мнѣ говорите?—съ удивленіемъ спросилъ Кордецкій.

— Нѣтъ, не ослышались. Я говорю то, что велить мнѣ совѣсть. Войско шведовъ, предводимое опытными генералами, настолько велико, въ сравненіи съ нашими ничтожными силами, что дальнѣйшее сопротивленіе почти бесполезно. Миллеръ поклялся взять Ясную-Гору и возьметъ, а тогда что? Одна мысль объ этомъ приводитъ меня въ трепетъ. Наша древняя святыня, которую мы можемъ спасти только капитуляціей, станетъ логовищемъ еретиковъ и будетъ осквернена ихъ нечестивыми руками.

— Отче! — печально замѣтилъ настоятель, — вы сами были въ числѣ тѣхъ, что настаивали на оборонѣ; неужели страданія въ теченіе одной ночи такъ поколебали ваши убѣжденія?

— Не страданія меня поколебали, но дѣйствительность. Монастырь будетъ спасенъ лишь въ томъ случаѣ, если Богъ пошлетъ намъ на помощь своихъ ангеловъ, иначе защититься нѣтъ возможности. Одинъ уже голодъ принудитъ насъ сдаться. Рѣшайте, какъ вамъ угодно, я, съ своей стороны, отдаю въ ваше распоряженіе мою жизнь и не боюсь предстоящихъ страданій, но я видѣлъ собственными глазами всю силу шведовъ, хорошо знаю нашихъ недисциплинированныхъ защитниковъ, которыхъ чуть-ли не ежедневно надо ободрять, и призываю Бога въ свидѣтели, что говорю не ради собственного спасенія, но ради васъ, а затѣмъ, поступайте, какъ знаете.

— Посмотримъ, — со вздохомъ прервалъ настоятель. — Да, — обратился онъ къ Замоискому, — вести переговоры мы будемъ, но не принуждаемые угрозами, какъ это происходитъ въ данный моментъ; мы можемъ вести переговоры, но при подобающихъ условіяхъ, а не тогда, когда намъ приставили ножъ къ горлу. Пусть Миллеръ освободитъ васъ сначала, пусть не поступаетъ съ нами, какъ съ дѣтьми, которыхъ можно испугать угрозой, и тогда поговоримъ.

Послѣднія слова онъ произнесъ съ усиленіемъ и съ неудовольствіемъ.

— А вы что же не высказываетесь, господинъ Замоискій? — спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Я согласенъ съ вами, — отвѣтилъ Замоискій, — и совѣтую въ такомъ смыслѣ написать письмо къ Миллеру.

— Но прежде, чѣмъ мы это сдѣлаемъ, — сказалъ Кордец-

кій,—пойдемте сначала въ монастырь, а затѣмъ въ часовню. Вамъ,—обратился онъ къ священнику Блешинскому, — слѣдуетъ укрѣпить свои силы для новыхъ испытаній.

— Я готовъ къ смерти,—воскликнулъ монахъ,—и видитъ Богъ, что я не боюсь, но я страдаю объ участи Ченстохова и содрогаюсь при мысли, что онъ можетъ быть обращенъ въ груду развалинъ нашими жестокими врагами.

— Насъ Богъ охранить,—строго замѣтилъ настоятель.

— Но достойны-ли мы Его милости, достойны-ли чуда?

— Мы недостойны, но достойны Его святые алтари.

— У Бога много алтарей на свѣтѣ, а если иные Онъ допускаетъ разрушать, то въ наказаніе согрѣшившимъ людямъ.

Медленно, съ опущенной головой, вошелъ Блешинскій въ монастырь и тотчасъ былъ окруженъ, какъ своими товарищами, такъ и нѣкоторыми изъ мирянъ.

Очутившись между своими, онъ постепенно пришелъ въ себя и нѣсколько успокоился.

Закидываемый градомъ вопросовъ, онъ не хотѣлъ напрасно пугать осажденныхъ и отвѣчалъ всѣмъ, что онъ пришелъ съ письмомъ и съ письмомъ вернется въ шведскій лагерь.

Столь твердо высказанное имъ рѣшеніе возвратиться снижало всеобщій восторгъ. Присутствующіе сочли это героизмомъ, чѣмъ оно и было въ дѣйствительности. Оба монаха, по всей вѣроятности, были обречены на гибель. Останься Блешинскій въ монастырь—онъ былъ-бы спасенъ, но строгій священникъ далъ слово вернуться и жаждалъ мученичества.

Въ *definitorium* снова происходило оживленное совѣщаніе и мнѣнія снова на время раздѣлились.

Плаза, предводитель сторонниковъ капитуляціи, вторично предложилъ положить оружіе, но теперь Кордецкій безъ церемоніи на него прикрикнулъ:

— Вы искали здѣсь убѣжища, такъ сидите-же спокойно, молитесь и исполняйте то, что вамъ прикажутъ исполнять въ дѣлѣ обороны, а не вмѣшивайтесь въ то, о чемъ васъ не спрашиваютъ. Я здѣсь одинъ начальникъ, на мнѣ одномъ лежитъ отвѣтственность передъ Богомъ и людьми, а потому прошу не касаться моихъ распоряженій.

Сторонники капитуляціи, вмѣстѣ съ своимъ предводителемъ,

умоляли и сконфуженные отошли въ сторону, а монахъ Блешинскій вскорѣ отправился съ письмомъ въ шведскій лагерь.

Черезъ нѣсколько часовъ въ монастырь прибылъ священникъ Малаховскій, хотя усталый, но страшно возбужденный. Онъ кипѣлъ отъ негодованія и призывалъ громъ и молнію на шведовъ.

Кордецкій, увидавъ посла, сердечно привѣтствовалъ его и спросилъ:

— Съ чѣмъ прибываетъ къ намъ, отче?

— Съ тѣмъ-же, съ чѣмъ и священникъ Блешинскій. Тѣ-же слова, тѣ-же требованія, съ добавленіемъ, что ежели вы не сдадитесь, то завтра мы будемъ казнены... Миллеръ въ этомъ поклялся.

Въ залѣ воцарилось глубокое молчаніе.

— Ничего не пишетъ?—спросилъ настоятель.

— Ничего. Генералъ велѣлъ передать лишь нѣсколько словъ: «Если Ченстоховъ не капитулируетъ, я возьму его штурмомъ, но сначала вы, лукавые послы, будете повѣшены».

По лицу настоятеля промелькнула гордая и смѣлая улыбка.

— Слава Богу!—сказалъ онъ.

Услышавъ это, всѣ присутствующіе съ изумленіемъ переглянулись.

— Казнить Миллеръ васъ не рѣшится,—проговорилъ Кордецкій,—такъ какъ подобнымъ поступкомъ онъ вооружилъ-бы всѣхъ поляковъ, находящихся въ станѣ, а если-бы даже онъ привелъ свою угрозу въ исполненіе, вы, мученики, стали-бы спасителями Польши, а кровь ваша—залогомъ возрожденія и освобожденія родины. Но нѣтъ... нѣтъ! чую всей душой, что вы не падете жертвой! Нѣтъ! Слова Миллера для меня являются доказательствомъ нашей силы, съ которой ему приходится считаться, и оттого я сказалъ: слава Богу! Если-бы Ченстоховъ можно было легко взять, онъ-бы не угрожалъ и не прибѣгалъ-бы къ такимъ способамъ устрашенія. Употребленный имъ маневръ ясно показываетъ, что онъ не въ состояніи одолѣть насъ силою.

Присутствующіе поняли настоятеля и лица ихъ тотчасъ просвѣтлѣли.

— Теперь скажите мнѣ, отче,—добавилъ Кордецкій,—какъ

ведутъ себя заблудшія овцы, поляки, помогаютъ-ли они шведамъ?

— Стоять и только поглядываютъ, — отвѣтилъ священникъ Малаховскій, — но вѣдь и то ужасно, что они могутъ смотрѣть, что они не поднимаютъ оружія на окаяннаго иноземца, что они въ состояніи пребывать чуть-ли не въ одномъ лагерѣ съ нечестивыми еретиками! Знаете-ли, что такое шведскій лагерь? Нѣтъ, вы даже представить себѣ не можете, что это такое. Вы видите только издали и непріятельскій лагерь кажется просто разношерстнымъ веселымъ сборищемъ воинственныхъ авантюристовъ, но на самомъ дѣлѣ... это адъ!

Монахъ при одномъ даже воспоминаніи вздрогнулъ и перекрестился.

— Миѣ кажется, — продолжалъ онъ, — что тамъ именно средоточіе грязи и разврата всего міра, что это какой-то ужасный вертепъ. Но надо признаться, что они обладаютъ дьявольской силой и мужествомъ. Эти пьяныя бестіи безстрашно идутъ на смерть.

— Такое войско, — замѣтилъ настоятель, — не въ состояніи покорить страны! Оно можетъ временно овладѣть ею съ помощью измѣны, страха, но прочно утвердиться въ ней — никогда! У шведовъ въ данномъ вопросѣ нѣтъ ясно сознанной идеи, не видно проявленія творческой силы. Слѣпая отвага солдатъ и таланты полководцевъ не достаточны для завоеванія такого большого края. Они не рѣшатъ судьбы нашего народа и создаемое ими зданіе рухнетъ. Богъ страшно наказалъ насъ для того, чтобы мы образумились и увидѣли, какъ легко побѣдить тѣхъ, среди которыхъ царятъ распри и несогласія, но скоро бѣдствія кончатся и нынѣшнее шведское нашествіе пронесется, какъ грозовая туча въ теплый весенній день.

Присутствующіе внимательно слушали.

— Отче, — закончилъ Кѣрдецкій, — когда отдохнете, идите къ Миллеру и передайте слѣдующее: мы возобновимъ переговоры, какъ только вы будете освобождены; въ противномъ случаѣ, мы всѣ охотно жертвуемъ собой для блага нашей родины. Да будетъ воля Божья!

Миѣніе, высказанное настоятелемъ относительно истинной причины его маневровъ, произвело на присутствующихъ хоро-

шее впечатлѣніе и они съ веселыми лицами оставили залу засѣданія.

Когда настоятель остался одинъ, онъ упалъ къ подножію креста и съ величайшей экзальтаціей предался молитвѣ. Въ одну минуту смѣлый вождь, съ такой непоколебимостью борющійся съ могущественнымъ врагомъ, съ сомнѣніемъ и малодушіемъ окружающихъ, преобразился въ смиреннаго священнослужителя, въ кающагося предъ лицомъ Бога грѣшника. Великая отвѣтственность за неприкосновенность древней народной святыни и жизнь многихъ людей тяжелымъ камнемъ лежала у него на душѣ. Въ сильномъ волненіи Кордецкій дрожалъ, плакалъ и молился, подавленный тяжестью выпавшихъ на его долю страданій. Въ присутствіи людей Кордецкаго никогда не оставляло мужество, но, оставаясь наединѣ, онъ не разъ поддавался тревогѣ. Сознаніе превосходства непріятельскихъ силъ, совѣты нѣкоторыхъ изъ осажденныхъ сдаться, несчастья, постигшія всю страну, терзали его душу... Но когда онъ начиналъ думать о томъ, что еретики запятнають Ясную Гору, что грядущія поколѣнія, въ случаѣ сдачи монастыря, обвинять его и монаховъ въ малодушіи, когда начиналъ вспоминать о всемъ, что шведы причинили Польшѣ для ея гибели, въ немъ снова загоралось мужество, возмущалась душа и Кордецкій, обрывая молитву, восклицалъ:

— Лучше смерть въ бою, чѣмъ этотъ позоръ!

Въ немъ происходила борьба людскихъ слабостей съ безсмертнымъ могучимъ духомъ. Съ одной стороны онъ чувствовалъ, что всюду и все онъ можетъ и долженъ сокрушить, одолѣть всѣ препятствія, съ другой стороны, напротивъ, разсчитывалъ, соображалъ и встрѣчалъ однѣ невозможности. Изъ этой внутренней борьбы онъ всегда выходилъ побѣдителемъ, благодаря своей глубокой, необыкновенной вѣрѣ. То, что происходило въ его душѣ, оставалось непроницаемой тайной для окружающихъ. Всѣ осажденные видѣли въ немъ священника-вождя, мужественнаго, непреклоннаго, который на всѣ уговоры, совѣты и сенсационныя извѣстія твердо и энергично отвѣчалъ:

— Ченстоховъ не капитулируетъ!

Изъ всего осажденнаго гарнизона только два человѣка могли равняться съ настоятелемъ въ мужествѣ и настойчивости: За-

мойскій и Чарнецкій; остальные или переходили отъ страха къ смѣлости, или молча скрывали тревогу, или нагло ее выражали, или предавались въ тишинѣ безмолвному отчаянію.

Но велико, чрезвычайно велико вліяніе сильного, искренно воодушевленнаго человѣка! Могучими крылатыми словами, благородными дѣяніями, величіемъ своей экзальтированной чистой души, страстью возвышенной натуры, глубиной мирозерцанія, онъ импонирующимъ образомъ дѣйствуетъ на окружающую его толпу, въ извѣстные моменты возносить ее на небывалую высоту, заставляя ее жертвовать своими низменными интересами во имя высшихъ цѣлей. Толпа чувствуетъ превосходство такихъ людей и, сознавая свою слабость, невольно подчиняется имъ. Вліяніе Кордецкаго было поразительно. Достаточно было ему показаться, чтобы всеобщій упадокъ духа смѣнился горячимъ, захватывающимъ энтузіазмомъ.

VIII.

На слѣдующій день, раннимъ утромъ, когда Кордецкій шелъ по корридору въ монастырь, внезапно его остановилъ Янъ Ласота и съ плачемъ упалъ передъ нимъ на колѣни; настоятель въ испугѣ отступилъ назадъ.

— Что вы?—спросилъ онъ съ удивленіемъ,—чего вы хотите?

— Ахъ!—воскликнулъ старецъ, заливаясь слезами, — несчастье, большое несчастье! Я не могу говорить... вотъ спросите его, спросите!!

Слѣдомъ за старикомъ бѣжалъ отецъ Петръ, съ блѣднымъ измѣнившимся лицомъ.

— Что такое? шведы ворвались? измѣна? что случилось?—спрашивалъ встревоженный Кордецкій.

— Нѣтъ, нѣтъ,—прерывающимся голосомъ отвѣтилъ отецъ Петръ,—несчастье, преступленіе!

— Преступленіе? здѣсь? Но говорите-же, ради Бога, что случилось? Погибли, что-ли, наши мученики-послы?..

— Нѣтъ нѣтъ, это наше семейное несчастье.

— Что-же могло случиться? Убили когонибудь?

— Убили или похитили, — неизвестно, — сказалъ отецъ Петръ Лассота. — Вы вѣдь, отче, видѣли нашу внучку, Ганну?..

— Но что же съ ней могло случиться?

— Исчезла, пропала... Вчера вечеромъ пошла въ часовню.... и не вернулась.

— Блянусь, это сдѣлалъ Кшиштопорскій изъ мести ко мнѣ, — воскликнулъ старецъ, — это не кто иной, какъ онъ. Тутъ не можетъ быть никакого сомнѣнія...

— Не можетъ быть! — съ волненіемъ возразилъ настоятель. — Здѣсь, возлѣ нашей святыни, предъ лицомъ Бога, въ виду угрожающей намъ всеѣмъ опасности такое преступленіе... это невозможно! Но какимъ образомъ это случилось?

Оба брата не въ состояніи были отвѣчать; но, къ счастью, подошла сосѣдка Лассотовъ, госпожа Ядвига Ярошевская, и передала все, что знала.

— Гандзя, — сказала она, — часто по вечерамъ, когда старый господинъ Лассота засыпалъ, уходила въ часовню; вотъ и вчера я сама видѣла, какъ она вышла въ сумерки.... и болѣе не вернулась. Мы ждали, ждали.... потомъ отправились искать, но гдѣ тамъ!... ни слѣда.

— Можетъ быть, ей дурно сдѣлалось и она упала? Надо искать.

— Ахъ, мы обошли весь монастырь, осмотрѣли всѣ углы: нигдѣ даже слѣда не нашли.

— Если-бы она была убита случайно или умышленно, остались-бы какіе-нибудь слѣды.

— Виновникомъ этого, навѣрно, Кшиштопорскій, — повторилъ старецъ. — На несчастье я прибылъ сюда; какъ только я его увидѣлъ, какъ тотчасъ меня охватило предчувствіе чего-то дурного... Не даромъ меня не покидала какая-то непонятная тоска. Я чувалъ свою гибель. Лучше-бы мнѣ было скрыться въ какомъ-нибудь дремучемъ лѣсу и тамъ умереть съ голоду!.. Несчастное дитя! . Быть можетъ, ее выдали шведамъ....

Янъ Лассота упалъ на землю и громко зарыдалъ; отецъ Петръ хотѣлъ утѣшить своего брата, но возможно-ли это было? Настоятель самъ взялъ его подъ руку и хотѣлъ было увести въ квартиру, но старецъ не могъ уже вернуться туда, гдѣ жилъ съ внучкой, — тамъ все напоминало-бы о Ганнѣ, а потому пришлось отвести его въ келью отца Петра.